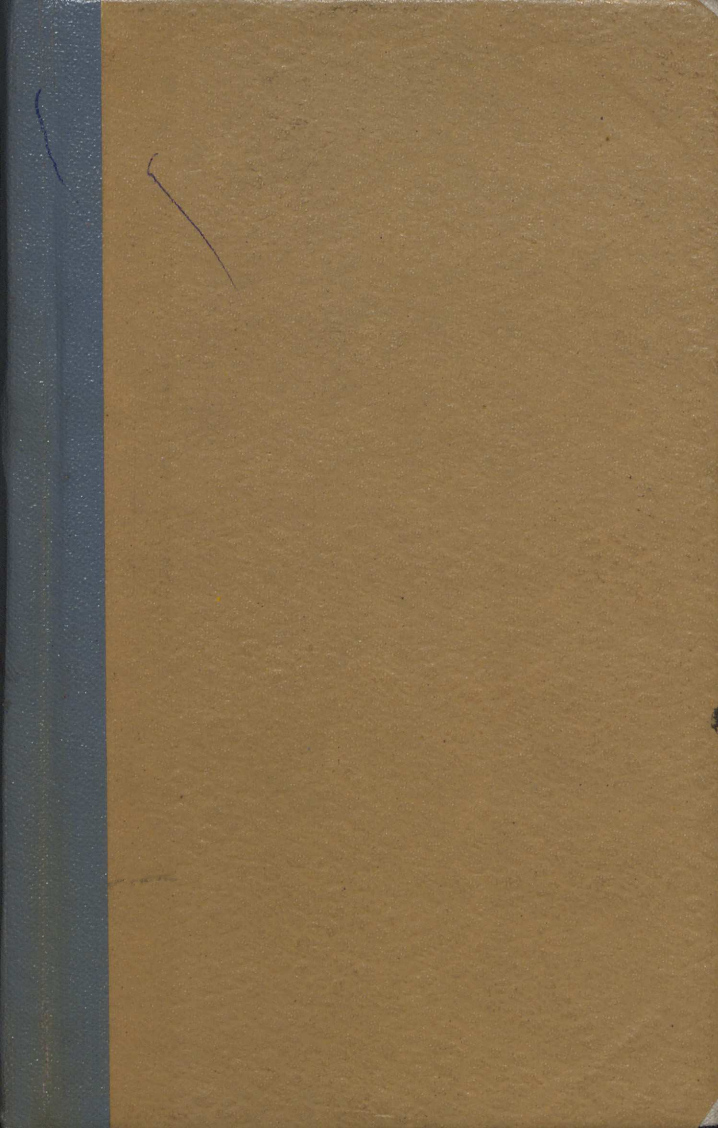
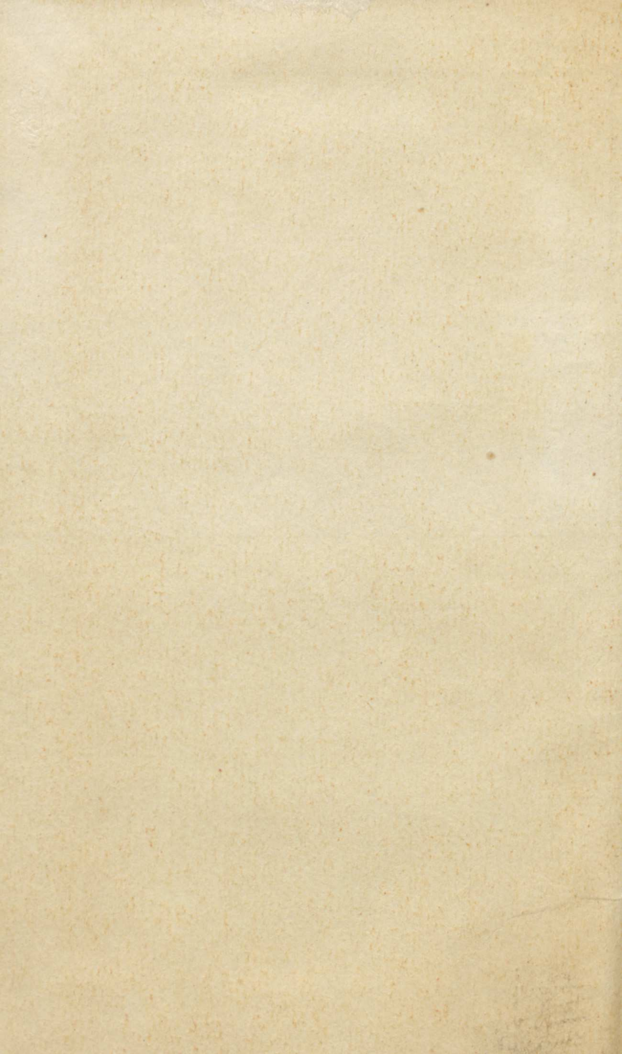

НЕСЧАСТНЫЕ ЛЮБОВНИКИ,

ИЛИ

ИСТИННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГРАФА

КОМИНЖА,

Наполненныя событій весьма жалостныхъ, и нѣжныя сердца чрезвычайно трогающихъ.

Переведена съ Французскаго.

Во Санктпетербургѣ
1771 года.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГРАФА КОМИНЖА.

Намѣреніе мое, издавая на свѣтъ приключенія моей жизни состоитъ только въ томъ, чтобъ привести на память и самыя малѣйшія обстоятельства моихъ несчастій, и вкоренить оныя еще тверже, буде возможно, въ моемъ сердцѣ.

Племя Графовъ *Коминжей*, которому я произхожденіемъ своимъ долженъ, можетъ положиться въ числѣ знатнѣйшихъ въ Государствѣ. Прадедъ мой имѣя

двухъ сыновей, здѣлалъ младшаго, въ предъосужденіе старшему, наслѣдникомъ всѣхъ своихъ имѣній, велѣвъ ему имяноваться *Маркизомъ де Люсанъ.* Дружество обоюдное братьевъ ни мало тѣмъ возмущено не было; они весьма хотѣли, чтобъ и дѣти ихъ также вмѣстѣ воспитаны были: но общее сіе воспитаніе, предмѣтомъ коего было единственно намѣреніе, связать ихъ теснѣйшимъ союзомъ, здѣлало изъ нихъ, противъ чаянія, двухъ ненавистниковъ другъ другу непримиримыхъ.

Превозходныя качества Маркиза де Люсанъ предъ своимъ братомъ вліяли въ отца моего толь сильную ревнивость, что оная скоро въ ненависть превратилась; частые были между ими споры и несогласія: но какъ отецъ мой всегда бывалъ начинщикомъ раздора, то и наказаніе, обыкновенное за тѣмъ слѣдствіе, на одинъ его жребій доставалось. Въ одно время жалуясь онъ на

свою

свою участь управителю нашего дома, получилъ отъ него обнадеживаніе, что онъ ему подастъ средство постановить предѣлы гордости господина Люсана. Всѣ имѣнія, состоящія въ его владѣніи, принадлежатъ по праву вамъ, и дедъ вашъ, не уполномоченъ былъ ни мало поступать съ ними по своей волѣ. Когда вы здѣлаетесь гоподиномъ, присовокупилъ къ тому, то весьма легко вамъ будетъ произвесть въ дѣйство ваше на нихъ право. Разговоръ сей усугубилъ еще отвращеніе отца моего къ своему брату, несогласія ихъ усилились чрезвычайно, и были побудительною причиною ихъ разлуки; множество лѣтъ проводили они невидавъ другъ друга, въ которое время вступили оба въ супружество. Плодомъ онаго были только у Маркиза Люсана дочь, а у отца моего я.

Отецъ мой едва только увидѣлъ себя властелиномъ имѣній,

 оставъ-

оставшихъ послѣ смерти отца своего, возхотѣлъ тотчасъ употребить въ пользу свою, слышанное имъ отъ управителя; старался сыскать всевозможные способы подкрѣпить свое право, отвергалъ всѣ предложенія помириться съ братомъ, вымышлялъ начать судъ клонящійся къ лишенію Маркиза всего имѣнія. Несчастная встреча, другъ съ другомъ случившаяся на охотѣ, свершила ихъ непримиримость. Отецъ мой наполненъ будучи непрерывной зависти и сердца, говорилъ ему множество словъ весьма колкихъ. Маркизъ хотя и былъ отъ природы тихаго сложенія, но не могъ воздержаться, чтобъ не отвѣтствовать ему тѣмъ же; они зачали биться на шпагахъ. Счастіе осталось на сторонѣ Лиссановой, онъ обезъоружилъ отца моего, и хотѣлъ принудить просить жизни. Она будетъ мнѣ несносна, естьли я ею останусь тебѣ долженъ, сказалъ ему на

то отецъ мой. Ты мнѣ ею обязанъ будешь противъ твоей воли, отвѣтствовалъ ему Маркизъ, брося передъ нимъ шпагу, и удалясь отъ глазъ его.

Толь великодушной поступокъ нетронулъ нимало отца моего; но напротивъ того казалось, что ненависть его умножилась сугубою побѣдою, одержанною надъ нимъ непріятелемъ: и такъ продолжалъ онъ съ большимъ еще прежняго жаромъ начатыя имъ гоненія противъ брата.

Дѣла были въ семъ положеніи, когда я возвратился изъ путешествія, предпринятаго мною, окончавъ науки, по повелѣнію родительскому.

Спустя нѣсколько дней по моемъ прибытіи Игуменъ де Р.. сродникъ моей матери, увѣдомлялъ отца моего, что доказательства, заключающія въ себѣ выигрышъ суда его, находятся въ Письмохранителницѣ Игуменства Р.... въ которую многія пись-

менныя дѣла нашего дома пере-везены были для сохраненія во время войны междоусобной.

Отецъ мой прошенъ былъ, чтобъ содержавъ сіе тайно, пріѣхалъ самъ для отъисканія писемъ, или прислалъ особу, весьма довѣренную, которой бы ихъ отдать было можно.

Здоровье его будучи тогда не въ желаемомъ состояніи, понудило поручить мнѣ сію должность; увелича мнѣ важность онаго дѣла, сказалъ: Ты отправляешся теперь трудиться больше для своей нежели для моей пользы; имѣнія сіи тебѣ принадлежать будутъ: но хотябъ ты и не имѣлъ въ томъ нималѣйшей выгоды, то я считаю тебя рожденнымъ толь благородна, что раздѣлишъ гнѣвъ мой справедливой, и поможешъ отмстить учиненныя мнѣ оскорбленія.

Мнѣ не было ни малой причины, противиться желаніямъ отца моего: и такъ я увѣрилъ его,

упо-

употребить всевозможныя силы ко исполненїю оныхъ.

Здѣлавъ мнѣ всѣ нужныя наставленїя, сагласилъ меня принять на себя имянованїе *Маркиза Лонгоне*, дабы не подать ни какого подозрѣнїя въ Игуменствѣ, въ которомъ Госпожа де Люсанъ много свойственниковъ имѣла; отправился я въ проважанїи только одного стараго слуги, и своего камердинера. Путь оной направленъ былъ къ Игуменству де Р..., и ѣзда моя была благополучна: я нашолъ въ Письмохранительницѣ, доказательства возстановляющїя неопровергаемыя права нашего дома на всѣ имѣнїя; писалъ о томъ къ отцу своему; и какъ я былъ не далеко отъ теплицъ, то просилъ у него дозволенїя къ онымъ съѣздить. Счастливое мое путешествїе толикую произвело въ немъ радость, что на намѣренїе мое согласился.

Тамъ показался я подъименемъ Маркиза де Лонгоне; долж-

жно было употребить больше роскоши, сохраняя суетную мѣчту именованія Коминжа; привеаен былъ на другой день моего приѣзда къ источнику, производящему теплыя воды. Въ мѣстахъ сихъ обитала самая живность, соединенная съ вольностію, отгоняющею отъ себя всѣ скучныя обряды весьма далеко: съ самаго перваго дня принятъ былъ я во всѣ веселости, обѣдать повели меня къ *Маркизѣ ла Валетъ*, дающей въ тотъ день госпожамъ пиршество. Множество уже ихъ туда съѣхалось, онѣ были тѣ самыя, коихъ я видѣлъ у источника. Дѣлая имъ разныя любовныя разказы, которыя употреблять всѣмъ женщинамъ щиталъ себя обязаннымъ; стоялъ блиско подлѣ одной изъ нихъ, какъ увидѣлъ вдругъ входящую въ комнату госпожу весьма изрядняго и почтеннаго вида, за которою слѣдовала дочь красоты божественной и въ цвѣтѣ самой моло-

молодости. Соборъ толикихъ прїятностей усугублялся еще чрезвычайною скромностїю и цѣломудрїемъ: я полюбилъ ее съ перваго взгляда, и сей самой взглядъ здѣлался на всю мою жизнь рѣшителемъ моего жребїя. Веселость служившая мнѣ до того вездѣ спутницой, совсѣмъ изчезла; упражненїемъ моимъ было только слѣдовать по всюду за нею, и не спущать съ нея ни наминуту моего взора; она то примѣчая, покрывала всякой разъ прелестное лице свое возхищающимъ разумъ и сердце румянцомъ. Предложенїе здѣлано было отъ многихъ итти прогуливаться; счастїе мнѣ открыло случай повесть за руку сїю прекрасную дѣвицу. Мы весьма отдалились отъ остатка бѣседы, не промолвя ни слова другъ съ другомъ: за нѣсколько времяни предъ тѣмъ имѣя устремленъ на нее взоръ свой, а во время прогуливанїя едва могъ взглянуть на

нее, безъ свидѣтелей будучи. До сихъ поръ я говаривалъ женщинамъ то, чего я ни мало не ощущалъ въ своемъ сердцѣ, тутъ же не умѣлъ отворить устъ своихъ, тронутъ будучи истинною любовью.

Мы сошлись на конецъ съ прочими не сказавъ другъ другу ни слова. Проводили госпожъ по домамъ, и я пришолъ въ свою комнату. Нужда мнѣ была быть одному, дабы насладиться своимъ смятенїемъ и утѣхой сопряженной, какъ я думаю, всегда съ началомъ любовныя страсти. Моя здѣлала меня толь робка, что я не отважился спросить имя любимаго мной предмѣта; мнѣ казалось, что любопытство мое, измѣнитъ тайну моего сердца. Но въ какой ужасъ приведенъ я былъ, услышавъ, что то была дочь Господина де Люсака! Опасность ожидаемая отъ ненависти отцовъ нашихъ, воображалась живо предъ моими глазами: но изъ всѣхъ

размы-

размышленій, наинесноснѣйшій былъ страхъ, чтобъ не вкоренено было и въ *Аделаиду*, (такъ называли сію обожанія достойную дѣвицу) отъвращеніе отъ всего носящаго на себѣ именованіе Коминжа. Я благодарилъ Бога, что былъ подъ другимъ имянемъ, надѣялся, что она узнаетъ любовь мою, не осердясь на меня ни мало; а когда придетъ время самому открыть ей внутренность моего сердца и мыслей, что по крайней мѣрѣ буду достоинъ ея сожаленія.

И такъ я предпріялъ твердо таить мое истинное прозвище, и стараться всячески ей понравиться: но я былъ съ лишкомъ влюбленъ, чтобъ употребить другое кромѣ любви въ своихъ поступкахъ; за Аделаидой я слѣдовалъ повсюду: желалъ страстно, найти случай говорить съ нею наединѣ? когдажъ сей случай толь сильно желаемой открывался, то недоставало силъ моихъ имъ

возпользоватся. Опасность лишиться нѣкоторыхъ малыхъ вольностей, коими я наслаждался, меня всегда удерживала, а больше всего еще боялся, тѣмъ передъ нею проступиться.

Такимъ образомъ провождалъ я жизнь свою въ теплицахъ. Въ одно время прогуливаясь со множествомъ людей почтенныхъ, увидѣлъ я, что Аделаида идучи уронила съ руки портретъ свой брилїантами осыпанной; Господинъ *де Сентъ-Одонъ* ведущей ея за руку, его поднявъ и разсматривая долгое время, положилъ въ карманъ свой; она его прежде просила у него учтивымъ образомъ: но какъ онъ упрямился отдать оной, начала говорить ему съ оскорбленїемъ. Онъ былъ человѣкъ изряднаго вида, но приключенїе одно любовное, въ которомъ былъ счастливъ, ево испортило. Сердце Аделаидино не привело ево ни мало въ замѣшательство: Для чего, говорилъ

онъ

онъ ей, государыня моя, хотите вы лишить меня сокровища которымъ я одному только счастїю долженъ? Я отваживаюсь питать себя надеждою, присовокупилъ къ тому, подвинувшись къ ней ближе, что вы узнавъ мои сердечныя мысли, согласитесь на подарокъ, здѣланной мнѣ теперь отъ онаго; и не дожидаясь отвѣта, каковой бы объявленїе его толь дерзкое безъ сомнѣнїя произвести долженствовало, отошолъ отъ ней прочь поспѣшно.

Въ то время меня при ней неслучилось, а былъ съ госпожею де ла Валетъ; хотя я и оставлялъ ее иногда на короткое время, но непропускалъ нималѣйшаго попѣченїя обо всемъ до нее принадлежащемъ, влїяннаго въ меня безконечнымъ къ ней почтенїемъ: какъ скоро я услышалъ говарящу ее въ восхищенїи необыкновенномъ, подошолъ къ ней ближе; она разсказывала матери о приключившемся съ нею съ превеликимъ

 движе-

движенiемъ. Госпожа де Люсанъ считала себя тѣмъ равно обиженною, какъ и дочь ея; тутъ не сказалъ я ни слова, и продолжалъ съ госпожами гульбу свою; а какъ скоро всѣ разошлись по домамъ, то велѣлъ искать Сентъ-Одона; нашли его у себя въ домѣ, и сказано было отъ меня, что я ево дожидаюсь въ мѣстѣ отъ меня назначенномъ: онъ туда пришолъ. Я увѣренъ, сказалъ ему его увидя, что приключившееся на гуляньѣ, произходитъ изъ шутки; вы будучи честной человѣкъ, не захотите удержать у себя портретъ извѣстной женщины, противъ ея воли. Я не знаю, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, какое участiе вы въ томъ брать можете; но знаю то совершенно, что я не охотно наставленiя другихъ принимаю. Надѣюсь твердо, сказалъ я ему, вынувъ свою шпагу, принудить васъ симъ образомъ, мнѣ повиноваться. Онъ былъ весьма мужественъ; мы бились нѣсколько времяни

съ

съ превеликимъ равенствомъ: но возхищенїе не столь сильно въ немъ дѣйствовало, какъ во мнѣ желанїе услужить обожаемому предмѣту. Я пустился въ битву безъ всякой осторожности; онъ несохраняя ни мало своей жизни, меня поранилъ легко въ двухъ мѣстахъ; на противъ того онъ получилъ отъ меня двѣ жестокїя раны; и принужденъ былъ просить жизни, отдавая мнѣ портретъ Аделаидинъ. Помогши ему встать, и отведя въ домъ не далеко отъ мѣста побоища лѣжащїй, пошолъ къ себѣ, гдѣ перевезавъ раны, упражнялся въ разсматриванїи прелестнаго изображенїя, цѣлуя его почти безпрерывно. Я умѣлъ хорошо рисовать, къ сему требовалось превеликое въ семъ художествѣ знанїе: но что не въ силахъ любовь привесть къ окончанїю? Я предприняль списать портретъ сей, въ томъ упражненїи проводилъ я цѣлую ночь, и успѣлъ столько, что самому мнѣ

было

было трудно отличить списокъ отъ подлинника. Сїе произвело во мнѣ мнѣнїе оставить подлинникъ у себя, а Аделаиду принудить не знавши носить списокъ моей работы. Въ томъ находилъ я наичувствительнѣйшее утѣшенїе; ибо всѣ таковыя обстоятельства кажутся весьма драгоцѣнными, человѣку любящему съ такимъ жаромъ; и сердце мое знало очень ихъ цѣну.

И такъ оправя его брилїянтами, чтобъ похищенїе мое было непримѣтно, понесъ къ Аделаидѣ. Госпожа де Люсанъ благодарила меня за сей поступокъ чистосердечно. Аделаида говорила мало, она была въ превеликомъ замѣшательствѣ, но я проникалъ въ семъ самомъ замѣшательствѣ радость, какую она чувствовала быть мнѣ благодарной, и сїя самая радость возхищала меня весьма чувствительно. Во время моей жизни пользовался я иногда минутами приводившими чувства мои

въ восторгъ прелестной; и сошли злоключенія и были мои обыкновенны, однакожъ неподумаю никогда, чтобъ я купилъ ихъ весьма дорого.

Сїе ничего нестоящее приключенїе прїобрѣло мнѣ совершенную благосклонность Госпожи де Люсанъ; я у нее былъ почти безвыходно; Аделаиду видалъ ежечасно, и хотя и неговорилъ ей о любви моей; но увѣренъ былъ очень, что она пронее знала; и многія обстоятельства меня утверждали, что я ею былъ ненавидимъ. Сердца толь чувствительныя, каковы наши, очень скоро другъ друга разумѣютъ: все для нихъ весьма изъяснительно

Два мѣсяца проводя въ таковой жизни, получилъ письмо отъ отца своего съ повелѣнїемъ, немедлѣнно къ нему возвратиться. Приказанїе сїе было для меня громовымъ ударомъ, я былъ весь занятъ удовольствїемъ видѣть и любить

Адела-

Аделаиду. Воображенїе отъ нее удалиться, было для меня совсѣмъ новымъ; сокрушенїе, съ нею разлучиться; слѣдствїя начавшагося суда между нашими домами, представились разсудку моему со всемъ тѣмъ, что они ужаснаго въ себѣ заключали, и я проводилъ ночь эту въ толь сильномъ безпокойствѣ, каковаго я изъяснить не въ силахъ. Дѣлая въ воображенїяхъ своихъ множество вымысловъ, опровергающихъ другъ друга, пришло мнѣ вдругъ въ голову сжечь бумаги у меня въ рукахъ бывшїя, и возстановляющїя наше право надъ имѣнїями дома Люсанова. Я удивлялся, для чего мысль сїя не пришла мнѣ прежде; я предъупрежду судъ толь для меня ужасной; отецъ мой будучи къ тому весьма склоненъ, можетъ, для прекращенїя его, согласиться на сопряженїе со мною Аделаиды: но хотя бы надежда сїя была и неуспѣшна, то по крайней мѣрѣ, я никогда не

могу согласиться подать оружїя противЪ любимаго мною предмѣта. УпрекалЪ самЪ себя, сокрывая столь долгое время вЪ сердцѣ своемЪ обстоятельство, которое чрезвычайная моя горячность долженствовала уже давно произвесть вЪ дѣйство. Несправедливость причиняемая тѣмЪ отцу моему, меня не удержала; имѣнїя его мнѣ принадлежатЪ, и сверхЪ того есть у меня наслѣдство послѣ матерня брата, которое могу ему оставить: ибо оно несравненно превозходитЪ жертвуемое теперь мною.

Не много потребно, утвердить вЪ мысляхЪ зараженнаго человѣка любовью? Я считалЪ себя совершенно уполномоченнымЪ поступать сЪ сими бумагами по моей волѣ, сыскалЪ ящикЪ, вЪ которомЪ они лѣжали; и не ощущалЪ никогда толикаго удовольствїя, какое происходило во внутренности моего сердца, видя ихЪ вЪ огнѣ сгарающими.

рающими. Радость, произходящая отъ услуги моей любезной возхищала всѣ мои чувства. Естьли она меня любитъ, говорилъ я самъ себѣ, то узнаетъ когда нибудь принесенную мной жертву: но на всегда оставлю ея въ семъ обстоятельствѣ неизвѣстну, естьли не возмогу тронуть ея сердца. Что мнѣ будетъ въ благодарности, которою мнѣ съ досадою обязаны будутъ. Я хочу, чтобъ *Аделаида* меня любила, но не хочу, чтобъ она мнѣ была должна оною.

Признаюсь, что показалося во мнѣ тогда болше смѣлости говорить съ ней; волность какою я наслаждался въ ихъ домѣ, подала мнѣ къ тому въ тотъ же день удобной случай.

Приходитъ время разлучиться съ тобою прекрасная *Аделаида*, сказалъ я ей; вспомнитъ ли когда нибудь о человѣкѣ, полагающемъ только въ тебѣ единое рѣшеніе своей судьбины? Силы

мнѣ

мнѣ уже не доставало продолжать рѣчь свою больше; при произношенїи словъ сихъ, показалась она мнѣ весьма смущенной, такъ что прискорбїе въ очахъ ея начертано было. Ты разумѣла конечно мои мысли, началъ я опять рѣчь свою: въ сохраненїе моей жизни, утѣшъ меня въ отвѣтъ, хотя однимъ словомъ. Чево тебѣ отъ меня хочется, отвѣтствовала она? Мнѣ не должно тебя слушать, слѣдственно и отвѣтствовать на твои рѣчи. Едва только успѣла слова сїи вымолвить, отошла отъ меня поспѣшно, и сколько я въ тотъ день ни старался, сыскать еще случай говорить съ нею, но всѣ попеченїя мои о томъ были безплодны; она отъ меня бѣгала, и видъ ея былъ чрезвычайно тороплйвъ и смущенъ: какїя заключало заразы смященїе сїе для моего сердца! Ее почитая, безпредѣльно взиралъ на нее съ ужасомъ, мнѣ казалось, что отважность

ность моя привела ее въ раскаяніе за оказанныя мнѣ не большія ласки.

Я бы сохранилъ свой поступокъ, соотвѣтствующей моему почтенію и нѣжности моихъ мыслей, естьли бы необходимость моего отъѣзда, не понуждала меня говорить съ нею; я хотѣлъ не разлучась еще съ Аделаидой, сказать ей истинное мое имя. Признаніе сіе стоило мнѣ несравненно больше любовнаго открытія. Ты меня убѣгаешъ, сказалъ я ей: ахъ! Любезная! чтобъ ты тогда здѣлала, естьлибъ узнала всѣ мои преступленія, или лутче сказать всѣ мои несчастія? Я тебѣ кажусь до сего времяни подъ другимъ имянемъ; а въ самомъ дѣлѣ не тотъ за кого ты меня считаешъ: я сынъ Графа Коминжа. Какъ! Вскричала Аделаида, ты нашъ злодѣй! Ты, твой отецъ, всѣми силами стараешесь раззорить моего родителя! не налагай на меня,

сказалъ

сказалъ я ей, имянованія толь для меня ужаснаго. Я любовникъ готовой тебѣ всемъ жертвовать: отецъ мой не здѣлаетъ тебѣ никогда худа; любовь моя тебѣ въ томъ порукою.

Для чегожъ, отвѣтствовала мнѣ Аделаида, ты меня обманывалъ? Для чего ты непоказался подъ истиннымъ своимъ имянованіемъ? Оно бы мнѣ предсказало тебя удаляться. Нераскаивайся о здѣланныхъ мнѣ небольшихъ ласкахъ, сказалъ я ей взявъ ея руку, и цѣлуя ее множество разъ противъ ея воли. Пусти меня, говорила мнѣ, чѣмъ больше я тебя вижу, тѣмъ больше ввергаюсь въ несчастія неизбѣжныя, приводящія меня въ безъпрерывной трепѣтъ.

Нѣжность словъ сихъ произведя во мнѣ чрезвычайную радость, вліяла въ меня превеличайшую надежду. Я льстился, что склоню отца моего на оправданіе моей страсти; столь силь-

но былъ я мыслями сими исполненъ, что, мнѣ казалось, будто всякому должно было чувствовать и мыслить равно со мною. Я говорилъ Аделаидѣ о моихъ замыслахъ, твердаго упованія исполненъ, въ томъ быть успѣшнымъ.

Я не знаю, для чего, говорила она мнѣ, сердце мое не прельщается надеждами отъ тебя мнѣ подаваемыми; мнѣ встрѣчаются одни только злоключенія; однако я нахожу отмѣнное удовольствіе чувствовать то, что я вовнутренности сердца моего къ тебѣ питаю, я тебѣ открыла мои мнѣнія, и весьма хочу, чтобъ ты ихъ зналъ совершенно: но помни, что я буду всегда въ состояніи, естьли дойдетъ нужда, жертвовать ими моему долгу.

Я множество еще имѣлъ случаевъ говорить съ Аделаидою, прежде моего отъѣзда; въ нихъ подаваемы были новыя причины радоваться моему благополучію;

лучію;

лучїю; удовольствїе любить, и знать, что любимъ взаимно, наполняло мое сердце; никакое подозрѣнїе, никакая опасность, ниже будущее время не тревожили нѣжность нашихъ разговоровъ. Мы весьма другъ въ другѣ были надежны, любя и почитая другъ друга безпредѣльно; и сїя благонадежность не уменьшая нимало нашу живность, присовокупляла къ ней прелести совершенной довѣренности. Одна только для Аделаиды была опасность, что отецъ мой будетъ на то несклоненъ. Я умру съ печали, говорила она мнѣ, естьли привлеку на тебя немилость твоихъ родителей; я хочу, чтобъ ты меня любилъ: но больше всего хочу, чтобъ ты былъ благополученъ. На конецъ я поѣхалъ, исполненъ наинежнѣйшей и чувствительнѣйшей страсти, каковую сердце во внутренности своей питать только можетъ, упражненъ единымъ намѣренїемъ

склонишь отца моего на увѣнчаніе оной.

Между шѣмъ онъ обо всемъ произшедшемъ въ шеплицахъ былъ извѣстенъ. Служитель посланной со мною имѣлъ повелѣніе шайное, надзирать мои поступки; онъ не скрылъ отъ него ни о любви моей, ни о поединкѣ съ господиномъ Сеншъ Одономъ. Къ несчастію моему Сеншъ-Одоновъ отецъ былъ крайней отцу моему пріятель: обстоятельство сіе и опасность, въ каковой онъ находится отъ ранъ своихъ, усугубляло мои злополучія. Слуга, подавшей ему обстоятельное извѣстіе, полагалъ меня весьма счастливѣе, нежели я былъ въ самомъ дѣлѣ; онъ изобразилъ госпожу де Люсанъ съ дочерью, исполненными хитрости, что они меня знали подъ имянемъ Графа Коминжа, и намѣреніе имѣли провести своимъ лукавствомъ.

Сими воображеніями наполненной отецъ, будучи еще съ

природы вспыльчивъ, поступилъ со мною, при возвращенїи въ домъ, съ безпримѣрною жестокостью; онъ упрекалъ меня любовью, полагая ее въ число совсѣмъ неизвинимыхъ преступленїй. Итакъ ты дошелъ до подлости, полюбить моихъ злодѣевъ, сказалъ мнѣ! И непочитая нимало то, чемъ ты мнѣ и самому себѣ долженъ, соединился съ ними неразрывнымъ союзомъ! По чему я знаю, не здѣлалъ ли ты еще какого замысла, гораздо ужаснѣйшаго!

Справедливо, любезной родитель, сказалъ я ему упавъ предъ нимъ на колѣни, я виновенъ: но таковымъ здѣлался противъ моей воли. Въ самой мигъ сей, въ которомъ я отъ тебя требую прощенїя, чувствую, что ничто не сильно извлечь изъ сердца моего ту любовь, которая тебя толь сильно на гнѣвъ приводитъ; сжалься надо мною, отважусь тебѣ сказать, возъимѣй сожалѣнїе съ самимъ собою; окончай

 ссору,

ссору, разрушающую покой твоей жизни; склонность каковую дочь господина Люсана и я, другъ къ другу почувствовали, такъ скоро какъ увидѣли другъ друга, есть можетъ быть предвѣщанїемъ милосердїя посылаемаго къ тебѣ съ выше. Любезной родитель! ты меня одного только имѣешъ у себя сына: захочешъ ли ты ево здѣлать несчастнымъ? О коль чувствительны должны и тѣ быть мои злополучїя, естьли оныя дѣломъ рукъ твоихъ будутъ! Смягчись взирая на сына, прогнѣвляющаго тебя самымъ несчастїемъ, котораго отвратить онъ былъ невластенъ.

Отецъ мой оставя меня у ногъ своихъ лѣжаща, во все время моихъ съ нимъ разговоровъ, смотрѣлъ на меня съ превеличайшимъ презрѣнїемъ. Я уже тебя выслушалъ, сказалъ мнѣ на конецъ, съ терпѣнїемъ мнѣ самому весьма удивительнымъ, каковое бы я и принять на себя казался

неспо-

неспособнымъ: и такъ одна остается милость, которую ты отъ меня ожидать можешъ; надлежитъ оставить свое дурачество, или лишиться достоинства моего сына; подумай самъ, что тебѣ изъ сихъ двухъ вещей предпринять должно, и здѣлай начало врученїемъ мнѣ писемъ, привезенныхъ съ собою; ты уже не заслуживаешъ мою довѣренность больше.

Естьли бы отецъ мой смягчился жалостнымъ моимъ состоянїемъ, то бы вопросъ имъ здѣланной привелъ меня въ крайнее замѣшательство: но жестокость его вкоренила въ меня новую бодрость. Письма сїи, сказалъ я ему не въ моей уже власти, я ихъ всѣ сжогъ; возми себѣ въ воздаянїе за нихъ принадлежащїя мнѣ имѣнїя, и пользуйся ими. Едва только я имѣлъ время выговорить слова сїи: какъ отецъ мой бросился на меня съ обнаженною шпагою, и пронзилъ бы

безъ сомнѣнія ею, естьлибы я не увернулся отъ удара, и мать моя не вошла въ комнату въ тожъ самое время, и не стала между нами: Что ты дѣлаешь, сказала ему? Вспомни, что онъ сынъ твой, и вытолкнувъ меня изъ комнаты, приказала себя дожидаться въ ея покояхъ.

Долго я ее въ нихъ дожидался: на конецъ она пришла. Не съ гнѣвомъ, и не съ яростью сражаться мнѣ было должно: но съ нѣжнѣйшею матерію, входящею во всѣ мои безпокойства сердечныя, и просящею меня со слезами, чтобъ сжалился надъ состояніемъ, въ каковое я ее ввергаю. Какъ! любезной сынъ, говорила она мнѣ, любовница такая, которую ты нѣсколько дней знаешь, можетъ похитить преимущество у матери! Ахъ! Естьли бы благополучіе твое отъ меня только зависило; то бы я всемъ жертвовала твоему покою. Но ты имѣешь отца, которой

хочетъ, чтобъ ты ему повиновался; онъ уже готовъ предпрїять противъ тебя насильные способы. Захочешъ ли ты меня погрузить въ печаль презельную? Истреби страсть, стремящуюся насъ всѣхъ здѣлать несчастными.

Силъ моихъ не было ей отвѣтствовать, почтенїе мое къ ней было чистосердечно: но любовь дѣйствовала въ сердцѣ моемъ превозходною предъ нимъ силою. Мнѣ легче умереть, сказалъ я ей, нежели тебя прогнѣвать, и я умру всеконечно, естьли ты не сжалишся надо мною. Чего тебѣ отъ меня хочется? Лишиться жизни, для меня тысячу разъ будетъ отраднѣе, нежели забыть Аделаиду; для чего мнѣ здѣлаться противу ее клятвопреступникомъ? Что? Я довелъ ее до оказанїя мнѣ любви взаимной, и ласкаясь оною наслаждаться до окончанїя моей или ея жизни, могу ли ее совсѣмъ оставить!

 Нѣтъ

Нѣтъ дражайшая мать, ты не захочешъ, чтобъ я былъ въ числѣ позорнѣйшихъ извергов человѣческаго рода.

Послѣ сего расказалъ ей подробно всю произходившее между нами: она тебя полюбитъ, прибавилъ я къ тому, и ты конечно ее любить будешъ; она равной съ тобою нѣжности наполнена; и равно какъ ты откровенна; для чегожъ ты хочешъ, чтобъ я престалъ любить ее! Но сказала она мнѣ, чтожъ твое требованіе! Отецъ твой женить тебя хочетъ, и ожидая того времяни, отправляетъ тебя въ деревню; непремѣнно должно, чтобъ ты волѣ его повиновался. Онъ намѣренъ завтре тебя туда отправить, подъ присмотромъ довѣреннаго ему служителя; отсудствіе можетъ быть здѣлаетъ въ тебѣ неожидаемую перемѣну; несерди щадя самаго себя, и меня купно въ предпріятіяхъ отца твоего, а полагайся на время. Я съ

съ своей стороны всю зависящее отъ меня въ удоволствїе твое здѣлаю. Злоба отца твоего продолжительна; естьли бы мщенїе его было законно, то бы онъ ее простеръ еще гораздо далѣе: но ты весьма не оправдимъ въ сожженїи писемъ; онъ увѣренъ въ томъ, что то было жертва, каковую Госпожа де Люсанъ велѣла отъ тебя дочери своей требовать. Ахъ! Вскричалъ я, возможноль приписывать Госпожѣ де Люсанъ таковую несправедливость? Нетокмо чтобъ отъ меня сочего требовать, Аделаида совсѣмъ и не знаетъ о семъ дѣлѣ, и я очень увѣренъ, чтобъ она употребила всѣ способы, и всю власть свою надо мною, къ отвращенїю сего поступка.

Послѣ сего предпрїяли мы съ матерью своей надлежащїя мѣры, какъ вести между собою переписку. Я отважился просить ее, чтобъ она меня и о состоянїи Аделаидиномъ неоставляла

неизвѣстна: ибо она скоро въ Бурдо прибудетъ. Столько была въ семъ случаѣ мать моя снисходительна, что мнѣ обѣщала, то исполнить, потребуя отъ меня взаимно, чтобъ естьли Аделаида не будетъ обо мнѣ больше думать такъ, какъ я объ ней мышлю, повиновался безпрекословно родительской волѣ. Большую часть ночи проводили мы въ сихъ разговорахъ; и какъ скоро день насталъ, то проводникъ мой пришедъ ко мнѣ сказалъ, что время уже въ путь ѣхать.

Деревня, назначенная для моей ссылки, окружена была горами, въ недальнемъ отъ теплицъ разстоянїи, такъ что я самою тоюжъ дорогою, какъ домой возвращался, неминуемо принужденъ былъ въ нея ѣхать. На другой день приѣхали мы ночевать въ одну деревню еще рано. Дожидаясь ужина, пошолъ я прогуляться по большой дорогѣ; вдругъ увидѣлъ издали

коляску

коляску несенную лошадьми изъ всей мочи, которая не доѣхавъ меня нѣсколько шаговъ ими была опрокинута. Біеніе сердца моего предвѣстило мнѣ участіе, каковое явъ семъ случаѣ принять былъ долженъ; я побѣжалъ къ коляскѣ; два человѣка слезшіе съ лошадей, совокупились со мною помогать внутри оной находящимся; читателю ожидать очень можно, что въ ней были Аделаида съ матерью; въ чемъ онѣ конечно и не ошибется. Аделаида весьма больно повредила себѣ ногу; однакожъ мнѣ казалось, что удовольствіе родившееся въ сердцѣ ея, меня увидѣвъ, не допущало чувствовать боли жестокой.

Коликими приключеніе сіе наполненно было для меня заразами! По безчисленныхъ несчастіяхъ и времяни, оно живо въ умѣ моемъ и по днесь изображается. Какъ уже она итттить была не въ силахъ, то я взялъ сіе прелестное бремя къ себѣ на руки; своими держала она

меня за шѣю такъ, что одна изъ нихъ устъ моихъ касалась; я былъ въ непостижимомъ возхищенїи. Аделаида то примѣтила; непорочность ея потревожась тотчасъ, принудила здѣлать нѣкоторое движенїе сойтить съ рукъ моихъ. Ахъ! Коль мало знала она любви моей крайность! Благополучїемъ своимъ я столько былъ исполненъ, что мнѣ и не воображалось, можетъ ли оное быть еще сего больше.

Пусти меня на землю, сказала она мнѣ голосомъ слабымъ и робкимъ: я думаю, что мнѣ итить возможно. Какъ! Отвѣтствовалъ я ей, ты столько чувствуешъ въ сердцѣ своемъ жестокости, что могла позавидовать мнѣ и въ семъ единомъ дарѣ, которымъ можетъ быть еще и во всю жизнь мою возпользоваться не удастся. Съ произношенїемъ словъ сихъ, съ превеликою нѣжностїю прижалъ къ сердцу своему Аделаиду; она переспала

стала говорить; и какЪ я идучи одною ногою оступился, то случай сей толь для меня полезной, принудилЪ ее взять прежнее свое положенїе.

Постоялой дворЪ былЪ весьма близко, такЪ что я непримѣтно пришолЪ вЪ оной; отнесЪ ее на постелю, а мать старались положить на другую, ибо ударЪ ея гораздо чувствительнѣе былЪ Аделаидина. Во время то, какЪ подавали помощь госпожѣ де ЛюсанЪ; мнѣ было свободно разсказать Аделаидѣ, часть произшедшаго между мной и отцомЪ моимЪ; я скрылЪ о сожженныхЪ бумагахЪ, о коихЪ она нималѣйшаго извѣстїя не имѣла: не зналЪ самЪ, хотѣлось ли мнѣ, чтобЪ она про то вѣдала. Мнѣ казалось, что открытїемЪ сего случая, довести ее можно было до необходимости, любить меня принужденно: ибо мое желанїе было, чтобЪ всѣ ея нѣжнѣйшїя

склонности отъ сердца ея произтекали.

Отца моего не отважился описать ей такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Аделаида была весьма добродѣтельна: я проникая во внутренность ея сердца, въ ономъ видѣлъ ясно, что она отдаваясь своей склонности, необходимую имѣла нужду питать себя сладчайшею надеждою, что мы когда нибудь сопряжены будемъ вѣчнымъ союзомъ; я полагался больше всего на горячность ко мнѣ матерню, и на чистосердечныя ея обо мнѣ мысли. Просилъ Аделаиду, чтобъ она съ ней повидалась. Поговори съ моей матерью, сказала она мнѣ; она знаетъ твои мысли, я уже ей свои открыла; я чувствовала, что наставленія ея мнѣ были весьма потребны, въ ополченіи меня твердостью противъ оныхъ, естьли дойдетъ до того нужда, или въ повелѣніи, слѣдовать своей склонности безъ угрызенія

зенїя совѣсти; она искала всѣ средства довести отца моего до того, чтобъ онъ здѣлалъ еще предложенїе о мирѣ своему брату; мы общихъ имѣемъ сродниковъ, и упросимъ конечно, чтобъ и они о семъ постарались. Радость, въ каковую приводили Аделаиду ея надежды, изоброжали мнѣ злоключенїя мои еще гораздо живяе и чувствительнѣе. Скажи мнѣ, отвѣчалъ я ей, взявъ за руку, естьли отцы наши будутъ неумолимы, почувствуешъ ли ты какое сожалѣнїе о несчастномъ? Я здѣлаю всё, что могу, сказала она мнѣ, дабы основать мысли мои на должности: но предвижу, что буду весьма несчастна, естьли она противна будетъ твоему благополучїю и покою.

Помогавшїе Госпожѣ де Люсанъ, подошли по томъ къ ея дочери, и прервали розговоръ нашъ. Я былъ и у матери, которая меня принявъ весьма ласково, обѣщала употребить всѣ способы къ при-

мирению домовъ нашихъ. По семъ я вышелъ изъ комнаты, оставя ихъ успокоиться; проводникъ мой дожидаясь меня, не постарался и осведомиться о именахъ прибывшихъ, что мне подало вольность, еще видеть Аделаиду прежде моего отъезда. Состояние мое при входе къ нимъ въ комнату легче вообразить себе, нежели описать возможно; опасность, чтобъ свиданье мое съ нею было не последнее въ жизни, терзало меня ежеминутно. Подошолъ къ матери, печаль моя за меня ей говорила лутче гораздо, нежели я самъ могъ зделать, также виделъ и отъ нея больше прежняго къ себе привет-ствия. Аделаида была въ другомъ углу комнаты, къ ней приступилъ я дрожащими ногами: я тебя оставляю любезная Аделаида; тежъ самыя слова твердилъ раза три или больше; слезы мои, которыхъ течение удержать былъ не въ силахъ, разсказали ей остатокъ моихъ мыслей; она такъ

же

же и свои проливала. Я тебѣ показываю всю мою чувствительность, сказала мнѣ; и нимало тѣмъ себя не упрекаю; ощущаемое мной во внутренности моего сердца, усугубляетъ мою откровенность; и ты достоинъ, чтобъ я тебя искренно любила; я незнаю, какова будетъ твоя судбина; а мою рѣшить властны мои родители. Для чего намъ подвергать себя, отвѣтствовалъ ей, мучительствамъ отцовъ нашихъ? оставимъ ихъ ненавидящихъ другъ друга для того, что они хотятъ сами, и пойдемъ въ отдаленнѣйшей конецъ свѣта, наслаждаться нѣжностью нашей, и изъ нея здѣлать себѣ должность. Что ты мнѣ предлагать отваживаешься, сказала она? Или ты хочешь, чтобъ я пришла въ разкаянїе за принятїе нѣжнѣйшихъ о тебѣ мыслей? Горячность моя къ тебѣ, можетъ меня здѣлать несчастною; я тебѣ то и прежде сказала: но невластна нимало, показать меня преступ-

ступницею въ свѣтѣ. Прощай, присовокупила къ тому, подавъ мнѣ прелестную свою руку одним только постоянствомъ и добродѣтельми должны мы стараться, преодолеть суровость нашего рока. Но хотя то и случится съ нами, обѣщаемся теперь ничего не дѣлать могущаго насъ привести въ стыдъ другъ у друга. Во время словъ сихъ цѣловалъ я тысячу разъ прелестную ея руку; омочилъ оную всю слезами: я не въ состоянiи, сказалъ ей на конецъ, ничего иного здѣлать, какъ тебя любить вѣчно, и умереть съ печали.

Сердце мое рвалось толь сильно, что съ нуждою могъ выговорить послѣднiя слова сiи. Вышедъ по томъ изъ комнаты, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь свой. Въ мѣсто назначенное для обѣда, прiѣхали мы въ свое время, и я не дѣлалъ ничего другаго, кромѣ какъ испускалъ непрерывные слезъ потоки, ибо въ

томъ

томъ только и находилъ превеличайшую отраду: когда сердце тронуто истинною любовью, то оно ощущаетъ отмѣнное удовольствїе во всемъ, доказывающемъ ему самому чрезвычайность собственныя его чувствительности.

Остатокъ путешествїя нашего прошолъ также, какъ и начало, и я не говорилъ ни одного слова. На третей день прибыли мы въ замокъ состроенной близъ горъ Пиринейскихъ; кругомъ его видны были превысокїя деревья, крутыя и непроизводящїя ни какихъ плодовъ горы; неслышно было ничего, кромѣ шума стремящихся водъ между горами. Обиталище толь дикое мнѣ весьма понравилось тѣмъ самымъ, что оно усугубило мою задумчивость; я провождалъ цѣлые дни, не выходя изъ лѣсу почти ни на минуту; возвратясь изъ онаго писывалъ письма, изъясняя въ нихъ всѣ мои мысли: упражненїе

сїе

сїе единственнымъ моимъ удовольствїемъ было. Я ей отдамъ ихъ въ удобное время, говорилъ самъ въ себѣ: она изъ нихъ увидитъ, въ чемъ проводилъ я дни моего отсудствїя. Письма получалъ я иногда отъ матери; одно изъ нихъ подало мнѣ нѣкоторую надежду; ахъ, то былъ последней часъ радостнаго моего состоянїя; она меня увѣдомила, что всѣ наши сродники о примиренїи отцовъ нашихъ неусыпно стараются, она надѣется, что будутъ въ томъ успѣшны.

Послѣ сего неполучалъ я шесть недѣль писемъ. Боже мой! Коль длинны были для меня дни сїи! Всякое утро хаживалъ на дорогу, по которой прїѣзжали присланные; отъ туда возвращался всегда уже весьма поздно, и гораздо печальнѣе, нежели туда идущей; на конецъ издали увидѣлъ грядущаго къ себѣ человѣка; я не сомнѣвался, чтобъ онъ шолъ не ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ,

и вмѣсто нетерпѣливости, въ каковой я былъ прежде, чувствовалъ только чрезвычайную опасность; не отваживался итти къ нему на встрѣчу, нѣчто важное меня отъ того удерживало; неизвѣстность сїя кажущаяся мнѣ толь мучительною, представлялась мнѣ въ мигъ то сокровищемъ, кое я потерять опасался.

Не ошибался я въ своихъ мысляхъ: письма полученныя мною съ симъ человѣкомъ, нарочно ко мнѣ посланнымъ, увѣдомляли меня, что отецъ мой о примиренїи и слышать не хочетъ, и свершая мое несчастїе, положилъ на словѣ женить меня на дѣвицѣ де Фуа; свадьбѣ быть должно въ томъ мѣстѣ, гдѣ я находился; что онъ въ скоромъ времяни самъ ко мнѣ будетъ, дабы изготовить меня къ исполненїю его воли.

Легко разсудить можно, что я ни мало не поколебался мыслями о намѣренїи, какое мнѣ предпрїять

пріять было должно. Отца своего дожидался я весьма спокойнымъ духомъ; для меня заключало еще особливую пріятность въ несчастномъ моемъ состояніи, имѣть случай принести жертву достойную Аделаидѣ. Что она мнѣ вѣрна въ томъ я былъ больше, нежели увѣренъ, любилъ ее безпредѣльно, чтобъ въ томъ сомнѣваться: истинная любовь всегда полна довѣренности.

Между тѣмъ мать моя, имѣя множество причинъ побудительныхъ, отвлещи меня отъ Аделаиды, не писала ко мнѣ ничего, могущаго произвесть во мнѣ хотя малѣйшее подозрѣніе. Коликую живность присовокупляло непреоборимое постоянство Аделаидино, къ господствующей во мнѣ страсти! Иногда я почиталъ себя счастливымъ, что жестокость отца моего подавала мнѣ способъ, доказать ей, сколь сильно она была мной любима. Три дни прошли въ ожиданіи

моего

моего родителя; оные занятїя были упражненїемъ „ изобрести новую причину для увѣренїя Аделаиды, что сердечная моя къ ней склонность на вѣки останется непоколебима; воображенїе сїе, невзирая на печальное мое состоянїе, наполняло разсудокъ мой мыслью нѣкоторой родъ отрады производящего.

Свиданїе наше съ отцомъ моимъ, съ моей стороны исполнено было почтенїя, и большой холодости, а отъ его напротивъ того, пышности и звѣрства. Я тебѣ далъ время, сказалъ мнѣ, притти въ раскаянїе о твоихъ глупостяхъ, и хочу тебѣ подать средство, оныя въ сердцѣ моемъ загладить принятїемъ здѣсь должнымъ образомъ господина Графа де Фуа съ его дочерью, которую я тебѣ назначилъ въ невѣсту; бракъ вашъ праздновамъ здѣсь будетъ, они завтре сюда съ матерью твоею прїѣдутъ; и я предъупредилъ ихъ для нуж-

ныхъ

ныхъ здѣсь къ таковому случаю разпоряженїй. Мнѣ очень досадно, милостивой государь, говорилъ я отцу своему, видѣть себя не въ силахъ исполнить желанїе ваше: вы знаете, что сердце мое съ младенчества наполнено честностїи, недозволяющей мнѣ вступить въ супружество съ особою, которую я любить не въ силахъ; я васъ прошу усердно, согласитесь лутче немѣдля нимало, чтобъ я отселѣ уѣхалъ; дѣвица де Фуа, коль она ни любезна, не перемѣнитъ никогда мое намѣренїе; и безчестїе дѣлаемое ей отъ меня, будетъ для нея гораздо чувствительнѣе, естьли я ее увижу. Нѣтъ, ты ее не увидишъ, отвѣчалъ мнѣ почти въ иступленїе пришедши: ты не увидишъ також и свѣта; я тебя заключу въ тюрьму, назначенную для подобныхъ тебѣ вѣроломцевъ. Клянусь тебѣ, что ни какая сила не будетъ въ состоянїи, тебя изъ нее избавить; естьли не придешъ въ

свою

свою должность, накажу тебя всякими образы, каковыми могу наказывать; лишу моего имѣнія; отдамъ его Госпожѣ де Фуа, дабы содержать, по мѣрѣ моей возможности, данныя ей отъ меня обѣщанія.

Въ самомъ дѣлѣ отвели меня въ башню; мѣсто назначенное мнѣ жилищемъ, получало только свѣтъ въ себя посредствомъ не большаго окошка, загражденнаго желѣзною решеткою; отецъ мой приказалъ по два раза въ день давать мнѣ пищу, и чтобъ недопускали никово говорить со мною. Первые дни проводилъ я въ семъ состояніи весьма спокойно, и ощущалъ нѣкоторое удовольствіе. Жертва приносимая мною Аделаидѣ упражняла всѣ мои мысли, и не допущала меня почувствовать безпокойство моего заключенія: но какъ скоро мысль сія не столь сильно во мнѣ дѣйствовать стала, безпредѣльная печаль на мѣсто ея поселилась

въ моемъ сердцѣ; изображая мнѣ разлуку мою съ Аделаидою могущею быть вѣчной, размышленія усугубляли мои мученія; опасался, чтобъ Аделаиду не принудили вступить въ супружество. Она представлялась непрестанно въ очахъ моихъ окруженная солюбовниками, старающимися ей понравиться; за безмѣрную къ ней любовь мою оставались однѣ только несчастія въ награду; справедливо, что при Аделаидѣ всё найтить можно. И такъ я упрекалъ себя иногда и малѣйшимъ самымъ сумнѣніемъ, и просилъ у нея за проступокъ мой прощенія чистосердечно. Мать моя прислала ко мнѣ еще письмо, увѣщевая меня повиноваться волѣ моего родителя, коего гнѣвъ ежедневно противъ меня усиливался; къ сему прибавляла она, что и сама отъ того весьма много терпитъ, ибо попеченія прилагаемыя ею о примиреніи домовъ нашихъ, привели ее

у него въ подозрѣнїе, что и она держитъ мою сторону.

Оскорбленїя причиняемыя мной любезной матери, меня чувствительно трогали: но мнѣ казалось, что претерпѣваемое самимъ мною, меня передъ нею оправдало. Въ одинъ день проснувшись въ обыкновенное время, выведенъ былъ изъ задумчивости моей небольшимъ шумомъ, въ окнѣ моемъ произходящимъ; послѣ того тотчасъ упала въ комнату мою бумага; она заключала въ себѣ письмо, я его распечаталъ съ трепѣтомъ: но чтожъ со мною съ дѣлалосъ по прочтенїи онаго! Вотъ его содержанїе.

„ Жестокости господина Коминжа извѣстили меня обо„ всемъ, чемъ я тебѣ должна на„ вѣки. Знаю и то, въ чемъ твое „ великодушїе оставило меня не„ извѣстной, ужасное состоянїе, „ въ каковомъ ты теперь повер„ женъ, наполняетъ всю мое „ плачевное вооб раженїе; из-

 „ влечь

„ влечь тебя изъ онаго остается
„ для меня одно только средство,
„ которое можетъ быть въ не-
„ снослѣйшее повергнетъ тебя
„ злоключенїе: но и я въ равномъ
„ съ тобою жребїи останусь; сїе
„ самое подаетъ мнѣ силу испол-
„ нить то, чего отъ меня тре-
„ буютъ. Хотятъ сопряженїемъ
„ меня съ другимъ удостовѣ-
„ риться, чтобъ я никогда не
„ была твоею, на сей цѣнѣ по-
„ лагаетъ господинъ Коминжъ
„ твою свободу. Она мнѣ мо-
„ жетъ быть, стоять будетъ
„ жизни, а совершенно покой
„ мой весь похититъ: но я, на
„ то не взираю, согласна. Твои
„ злоключенїя и безпокойства
„ претерпѣваемыя въ заточеньѣ,
„ однѣ только воображаются жи-
„ во предъ моими очами. Чрезъ
„ нѣсколько дней вступлю въ
„ супружество съ Маркизомъ
„ Бенавидомъ. Извѣстное мнѣ
„ въ его сложенїи уже предвѣ-
„ щаетъ бездну злоключенїй,

„ которыя

„ которыя я переносить приуго„ товляюсь: но покрайней мѣ„ рѣ я за долгъ себѣ ставлю, ока„ зать тебѣ сїю вѣрность, что „ въ сопрягающемся союзѣ не „ нахожу ни чего, кромѣ без„ покойствъ и несносной печа„ ли. Тыжъ напротивъ того „ старайся быть благополученъ; „ благополучїе твое, величай„ шимъ утѣшенїемъ для меня „ будетъ. Чувствую очень, что я „ не должна тебѣ говорить всего, „ что теперь тебѣ изъясняю; „ естьлибъ совершенно была ве„ ликодушна, тобы оставила „ тебя въ неизвѣстности о моемъ „ бракѣ; подалабъ тебѣ способъ, „ подозрѣвать меня непостоян„ ствомъ, намѣренїе таковое уже „ было мною принято: но испол„ нить его силъ моихъ недо„ ставало; мнѣ нужно было мы„ слить въ плачевномъ моемъ со„ стоянїи, чтобъ воспоминовенїе „ обо мнѣ по крайней мѣрѣ было „ для тебя не отяготительно.

 „ Ахъ!

„ Ахъ! Мнѣ скоро не должно
„ будетъ таковоежъ о тебѣ со-
„ хранять въ моемъ сердцѣ; над-
„ лежитъ забыть тебя непре-
„ мѣнно, или покрайней мѣрѣ
„ всѣми силами о томъ пещися.
„ Вотъ изъ всѣхъ моихъ муче-
„ нїй, огорчающее меня наичув-
„ ствительнѣйшимъ образомъ,
„ ты ихъ еще умножишъ, есть-
„ ли не постараешся прилѣжно,
„ убѣгать случая меня видѣть
„ и говорить со мною. Падумай,
„ что ты таковымъ знакомъ по-
„ чтенїя ко мнѣ долженъ; и
„ помысли при томъ, сколь сїе по-
„ чтенїе будетъ для меня дра-
„ гоцѣнно; ибо изъ всѣхъ мнѣнїй
„ каковыя ты обо мнѣ имѣешъ,
„ остается сїе одно только, ко-
„ торое мнѣ испрашивать у
„ тебя дозволено.

Я прочиталъ сїе зловредное письмо только до словъ сихъ:
„ Хотятъ удостовѣрится сопря-
„ женїемъ меня съ другимъ, что
„ я никогда не могу быть твоею.

Печаль,

Печаль, каковою меня слова сїя пронзили, недозволила мнѣ продолжать его больше. Я упалъ на Тюфякъ, состовляющей всю мою постелю; на немъ остался я нѣсколько часовъ безъ всякаго чувства; и можетъ быть окончилъ бы тамъ и жизнь свою безъ помощи приносящаго мнѣ пищу. Естьли онъ ужаснулся отъ состоянїя, въ какомъ меня видѣлъ, то больше еще долженствовалъ притить въ страхъ отъ крайности моего отчаянїя, какъ скоро я пришолъ опять въ память. Письмо бывшее у меня въ рукѣ во время моего безсилїя, на конецъ прочелъ я всю, и омочилъ моими слезами; оно довело меня почти до изступленїя, и я говорилъ то, что только одному потерявшему разсудокъ прилично.

Человѣкъ сей, нечувствуя до сего времяни ни какой жалости, не могъ тогда возпрепятствовать, заступить оной въ сердцѣ

его на мѣстѣ непреклонности; проклиналъ поступокъ отца моего, упрекалъ себя исполненіемъ его повѣленій, и просилъ у меня въ томъ прощенія. Разкаяніе его привело меня на мысль, здѣлать ему предложеніе, чтобъ онъ меня отпустилъ только на недѣлю, обѣщая ему твердо, по прошествіи оной назадъ возвратиться; къ тому прибавилъ я все могущее споспѣшествовать моему предпріятію: смягченъ будучи моимъ состояніемъ, побуждаемъ собственною своею прибылью и опасностью, чтобъ я иногда не отмстилъ ему за дурныя со мной поступки, склонился на мое хотѣніе, съ темъ только уговоромъ, чтобъ и онъ со мною вмѣстѣ въ путь отправился.

Желаніе мое было въ тотъ же самой мигъ предпріять путешествіе: но должно было еще прежде лошадей приготовить, и мнѣ сказано, что мы ихъ до завтреш-

трешняго дня имѣть не можемъ. Намѣренїе мое клонилось, сыскать Аделаиду, показать ей всю мое отчаянїе, и умереть у ногъ ея, естьли она въ предпрїятїи своемъ останется непоколебима; надобно было, для произведенїя замысла моего въ дѣйство, упредить несчастное ея супружество; и каждой мигъ времяни, откладываемой мною, казался мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Письмо сїе прочитанное мною нѣсколько разъ прежде, которое я читалъ въ самое то время, заключало въ себѣ ужасное множество для меня несчастїй, которыя какъ мнѣ казалось по мѣрѣ его чтенїя, становясь всякой разъ новыми, усугубляли мои напасти. Разсматривая число, въ которое оно было писано, льстилъ себя надѣждою, что время можетъ быть продолжиться: она дѣлаетъ себѣ насилїе, говорилъ я самъ себѣ: она употребитъ всѣ способы, бракъ сей откладывать Но, могули я

ласкаться толь тщетною надѣждою, помышлялъ я? Аделаида жертвуетъ сама собою для моей вольности, она должна спѣшить и времянемъ онымъ. .

Ахъ! Какъ она могла вздумать, чтобъ вольность моя, лишась ея на вѣки, была для меня утѣшна? Я вездѣ найду тюрму сїю, изъ которой она меня избавить хочетъ. Она никогда незнала моего сердца, и разсуждала обо мнѣ, такъ какъ и о всѣхъ людяхъ; вотъ что меня въ пагубу приводитъ. Я еще несчастливѣе, нежели думаю, потому что я непитаюсь и тѣмъ утѣшенїемъ, чтобъ крайность моей любви ей была извѣстна.

Цѣлую ночь проводилъ я въ принесенїи на нея моихъ жалобъ. На конецъ разсвѣтать стало; я селъ на лошадь съ проводникомъ своимъ, мы ѣхали весь день не остановясь ни на минуту, до самаго времяни какъ встрѣтилась со мною мать моя

на

на дорогѣ; она меня узнала, и оказавъ свое удивленіе ѣдущаго меня увидя, велѣла сесть съ нею въ коляску. Я не смѣлъ спросить про притчину ея путешествія; мнѣ всё было ужасно въ состояніи, въ каковомъ я былъ повержен; и опасность моя была весьма основательна. Я ѣду, любѣзной сынъ, говорила она, освободить тебя сама изъ темницы: отецъ твой на то согласился. Ахъ! Вскричалъ я, Аделаида вышла замужъ! Мать моя отвѣтствовала мнѣ на то безмолвіемъ. Несчастіе мое, будучи уже неизлѣчимо, представилось разсудку моему во всемъ своемъ ужасѣ, я упалъ безъ чувства; и по мѣрѣ чрезвычайнаго сокрушенія, казалось мнѣ, что я ни малѣйшимъ былъ нетронутъ.

Между тѣмъ тѣло мое почувствовало скоро состояніе моего разсудка. Дрожъ на меня напала прежестокая, какъ еще мы въ

колясκѣ были: мать моя велѣла положить меня въ постелю; два дни не говорилъ я ни слова, и не хотя принимать ни какой пищи; горячка умножалась, а на третей день зачали уже отчаиваться о моей жизни. Мать моя неоставляя меня ни на минуту, въ непонятной была печали: слезы ея, прозьбы и имя Аделаидино употребляемое всегда ею, принудили меня жить согласиться; по прошествїи пятнатцати-дневной горячки, началъ я по немногу выздоравливать. Первое мое старанїе было искать письмо Аделаидино; мать моя взявъ его къ себѣ, и видя меня толь прискорбна, принуждена была отдать мнѣ его обратно; я его положилъ въ кошелекъ хранящейся подлѣ моего сердца, въ которомъ былъ портретъ ея; будучи одинъ читалъ его всегда, находя въ томъ наичувствительнѣйшее удовольствїе.

Мать моя имѣя весьма нѣжное сложенїе, печалилась со мною

вмѣстѣ;

вмѣстѣ; она прежде думала, что ненадобно препятствовать моему сетованїю, и оставить попеченїе одному времяни, освободить меня отъ оного.

Она терпѣливо слушала разговоры мои о Аделаидѣ; сама часто мнѣ о ней говаривала: увидя, что одно только воображенїе, быть любиму, производило во мнѣ нѣкоторую отраду, разсказала мнѣ, что она привела Аделаиду на сочетанїе бракомъ. Прости меня любезной сынъ, говорила мнѣ, за причиненную отъ меня тебѣ неумышленную досаду; я никогда не думала, чтобъ ты могъ быть столь чувствителенъ; тюрма твоя приводила меня въ крайную опасность о твоемъ здоровьѣ: или лутче сказать и о твоей жизни. Я знала непреклонной нравъ отца твоего, которой бы тебя никогда освободить не согласился, естьли бы имѣлъ хотя малую опасность, что ты можешъ жениться на дочери господина Люсана: я намѣри-

лась говорить съ сею великодушною дѣвицею; здѣлала ее участницею моихъ опасностей; она ихъ со мною дѣлила, она ихъ можетъ быть больше моего несравненно чувствовала: въ самомъ дѣлѣ я ее видѣла упражняющуюся въ сысканiи средствъ и въ заключенiи поспѣшно брачнаго союза. Давно уже отецъ ея, наскученной поступками Графа Коминжа, принуждалъ выттить за мужъ, ничто до того времяни привести ее къ тому было не въ силахъ. На ково упадетъ твой выборъ? спрашивала я ее... Мнѣ въ томъ нѣтъ нужды, отвѣчала она; для меня всё равно, когда уже я не могу быть тому женою, кому сердце мое меня назначило.

Два дни спустя послѣ сего разговора, услышала я, что Маркизъ де Бенавидъ, предпочтенъ былъ всѣмъ ея обожателямъ, весь свѣтъ тому дивился, и я въ томъ ему послѣдовала.

Бена-

Бенавидъ былъ весьма непрїятнаго вида, котораго нестройство усугублялось еще неразумїемъ съ чрезвычайнымъ злонравїемъ совокупленнымъ. Я боялась худыхъ слѣдствїй для бѣдной Аделаиды; увидѣвъ ее въ домѣ Графини де Жерландъ о томъ съ нею говорила. Я прїуготовляю себя, сказала она, къ чрезвычайному несчастїю; но должность обязываетъ меня иттить замужъ; и съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что то будетъ средствомъ къ свободѣ вашего сына, всякой мигъ откладывающей мое сопряженїе въ упрекъ себѣ ставлю. Между тѣмъ замужство сїе, предпрїемлемое мной для него только, здѣлается можетъ быть наичувствительнѣйшимъ изъ его злоключенїй; покрайней мѣрѣ избранїемъ себѣ мужа хотѣла я доказать ему, что польза его одна только и есть побудительная къ тому причина. Сожалей о мнѣ; я достойна твоего соболѣзнованїя, и

постараюсь заслужить твое почтенїе поступкомъ своимъ, какой я предпрїемлю съ господиномъ Бенавидомъ. Мать моя извѣстила меня также, что Аделаида узнала отъ отца моего про сожженїе доказательствъ; онъ ее тѣмъ упрекалъ передо всѣми, въ день потерянїя суда своего; она мнѣ признавалась, говорила мать моя, что больше всего трогало ея сердце великодушїе, съ каковымъ ты таилъ отъ нее поступокъ свой здѣланной въ ея пользу. Дни наши проходили въ подобныхъ сему разговорахъ, и хотя задумчивость моя была чрезвычайна; однако заключала въ себѣ неразлучное незнаю какое утѣшенїе, въ какомъ бы состоянїи кто нибылъ, а твердое упованїе быть совершенно любиму, всё превозмогаетъ.

По нѣсколькихъ мѣсяцахъ пребыванїя нашего въ семъ мѣстѣ, мать моя получила повелѣнїе отъ отца моего къ нему возвратиться; онъ небралъ почти

ни

ни малѣйшаго участія въ моей болѣзни; и образъ его со мной поступка, истребилъ изъ него всю обо мнѣ жалость. Мать моя уговаривала меня съ нею ѣхать: но я просилъ ее согласиться, оставить меня въ деревнѣ; и она на прозьбу мою склонилась.

Еще мнѣ удалось быть одному въ прежнихъ пустыняхъ съ лѣсами; отъ того пришло мнѣ въ голову удалиться куда нибудь въ уединеніе, и я бы то конечно здѣлалъ, естьлибъ неудерживанъ былъ чистосердымъ моимъ къ матери почтеніемъ; мысль, видѣть Аделаиду, никогда изъ головы моей невыходила: но страхъ ее тѣмъ прогнѣвать отъ того предпріятія меня удерживалъ.

По многихъ недоуменіяхъ воображалось, что по крайней мѣрѣ мнѣ возможно будетъ постараться ее увядѣть, ей непоказавшись.

Предпринявъ сіе намѣреніе, положилъ отправить въ Бурдо

для

для освѣдомленія, гдѣ она пребываетъ, надѣжнаго человѣка, которой ко мнѣ съ младенчества моего будучи усерденъ, сыскалъ меня здѣсь во время моей болѣзни; онъ былъ со мною въ Теплицахъ; зналъ Аделаиду, и мнѣ сказывалъ, что имѣетъ знакомство въ домѣ Бенавида.

Здѣлавъ ему всѣ наставленія, могущія меня нѣсколько утѣшить и подтвердя оныя стократно, туда его отправилъ; онъ услышалъ въ Бурдо пріѣхавъ, что Бенавида тамъ больше не было, что онъ повезъ жену свою спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, въ свои деревни лѣжащія въ Бискаіи. Слуга мой, котораго звали Сентъ-Лораномъ, писалъ ко мнѣ о томъ тотчасъ, и ожидалъ моего повелѣнія; я приказалъ ему ѣхать въ Бискаію не теряя нимало времяни. Желаніе, видѣть Аделаиду, столь во мнѣ усилилось надеждою вкоренившеюся въ мое сердце, что уже мнѣ невозможно

можно было больше оному противиться.

Сентъ-Лоранъ проѣздя больше шести недѣль, и ко мнѣ возвратясь; разсказалъ, что по многихъ трудахъ и стараніяхъ тщетныхъ, провѣдалъ онъ, что Бенавиду нужда въ Архитекторѣ; онъ представленъ былъ къ нему подъ симъ имянемъ, и посредствомъ знакомства пріобрѣтеннаго дядею его, знающимъ сїю науку, вошолъ въ домъ сей. Я думаю, присовокупилъ къ тому, что госпожа Бенавида меня узнала: по крайней мѣрѣ я примѣтилъ, что она увидя меня въ первой разъ закраснелась; по томъ мнѣ сказали, что она проводитъ жизнь свою весьма печально и уединенно, что мужъ ея почти ни наминуту не оставляетъ; говорятъ въ домѣ, что онъ влюбленъ въ нее смертельно, хотя и неподаетъ ей о томъ нималѣйшихъ знаковъ, кромѣ чрезвычайной ревнивости, которая такъ

далеко

далеко простирается, что братъ его не имѣетъ почти свободы видѣть госпожу Бенавиду, когда онъ самъ при томъ неприсудственъ.

Я ево спрашивалъ, кто таковъ братъ его: онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ человѣкъ молодой, о которомъ говорятъ столькожъ много хорошаго, сколько о Бенавидѣ дурнаго, онъ кажется весьма усерденъ къ своей невѣскѣ. Разговоръ сей нездѣлалъ во мнѣ нималѣйшей заразы; а желанïе ее видѣть наполняло весь мой разсудокъ и мысли. Сентъ-Лоранъ увѣрялъ меня, что онъ всѣ предпринималъ мѣры ввесть меня въ домъ къ Бенавиду; ему нужда въ живописцѣ, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ рисовать въ покояхъ; я обѣщалъ привести къ нему искуснаго въ художествѣ семъ человѣка: надобно, чтобъ вы приняли на себя сïю должность.

Вопро-

Вопрошалось только, учредить отъѣздъ нашъ. Я писалъ къ своей матери, что я ѣду проводить нѣсколько времяни къ одному изъ моихъ пріятелей, и отправился съ Сентъ-Лораномъ въ Бискаїо. Вопросы мои о госпожѣ Бенавидѣ не пресекались ни на минуту; и мнѣ хотѣлось знать и самыя малѣйшія обстоятельствъ ея подробности. Сентъ-Лоранъ не въ силахъ былъ меня въ томъ удовольствовать. Онъ ее видѣлъ весьма мало. Всѣ дни проводила она въ своей комнатѣ, товарищемъ себѣ имѣя только одну постельную собачку, которую она чрезвычайно любила. Предлогъ сей былъ для меня очень лестенъ; собака сїя шла къ ней изъ рукъ моихъ, я питался надеждою, что по сей самой причинѣ она ее столько любитъ. Когда кто чрезвычайно несчастливъ, тотъ всегда чувствуетъ всѣ сїи издѣлки презираемыя всегда въ благополучїи;

тія; сердцежъ, на противъ того въ нуждѣ утѣшенія, не теряетъ ни одну изъ оныхъ.

Сентъ-Лоранъ много мнѣ говоря о усердіи младаго Бенавида къ своей невѣскѣ, присовокупилъ къ тому, что онъ часто смягчаетъ звѣрской нравъ своего брата, и увѣрены всѣ, чтобъ безъ него Аделаида была еще гораздо несчастнѣе; увѣщевалъ меня также, чтобъ желанію моему положить предѣлы, и стараться только ее увидѣть, а нимало не пещись о томъ, чтобъ говорить съ нею. Я не скажу тебѣ, продолжалъ онъ, что ты подвергнешь опасности жизнь свою, естьли пребыванія твоего откроется истинная причина; ибо сіе слабѣйшей будетъ способъ, удержать тебя отъ онаго: но напоминаю, что тѣмъ самымъ ввергнешъ и ее въ неизбѣжную погибель. Удовольствіе по крайней мѣрѣ видѣть Аделаиду, мѣчталось въ умѣ моемъ, толь

толь неоцѣненнымъ сокровищемъ, что я искренно былъ увѣренъ, что сего дара для меня будетъ довольно: и такъ я обѣщалъ самъ себѣ, равно и Сентъ-Лорану, больше употребить осторожности въ моихъ поступкахъ, нежели онъ требовалъ.

По нѣсколькихъ дняхъ, показавшихся мнѣ цѣлыми годами, прибыли мы въ жилище Бенавидово; я къ нему былъ представленъ, и употребленъ тотчасъ въ работу; покой намъ отвели вмѣстѣ съ мнимымъ архитекторомъ, который съ своей стороны долженъ былъ надзирать надъ работниками. Много протекло дней по начатіи моей работы; а я еще не видалъ госпожи Бенавиды; наконецъ увидѣлъ ее въ вечеру идущую прогуливаться мимо оконъ моей комнаты; одѣта была весьма просто, имѣя съ собой одну только свою собаку; въ поступкѣ ея видна была медлѣнность; мнѣ казалось, что прелестныя ея взо-

ры

ры обращались на всѣ предмѣты, неустремляясь однакожъ пристально ни на одинъ изъ оныхъ. Боже мой, въ коликое замѣшательство повергъ меня видъ сей! Я облокотясь на окошко, пробылъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока гульба ея продолжалась. Аделаида возвратилась въ комнату свою уже ночью. Темнота оной хотя и скрыла отъ очей моихъ ея прелести, однако сердце чувствовало, какъ она опять шла мимо.

Вдругорядь видѣлъ ее въ церкве. Въ ней остановился въ такомъ мѣстѣ, изъ котораго мнѣ ее во всю время пребыванія въ оной видѣть было свободно, я напротивъ того былъ ей непримѣтенъ. Она ни одного раза не обратила на меня своего взора; я тѣмъ очень былъ прежде доволенъ, удостовѣрясь, чтобъ она узнавъ меня, немедля ни мало принудила отъ толѣ удалиться; однако печалился послѣ о томъ же самомъ: изъ церкви вышелъ я съ

бол-

большимъ смятенïемъ и движе-нïемъ сердца, нежели вошелъ въ оную. Непредпринято еще было мной намѣренïе показаться предъ нею: но чувствовалъ, что силъ моихъ недастанетъ, противиться случаю, естьли оной откроется.

Видъ младаго Бенавида наводилъ на меня также родъ нѣкотораго безпокойства; онъ обошолся со мною, не взирая на разность состоянïй нашихъ, съ превеликою ласковостью, которою я непремѣнно долженствовалъ быть тронутъ: однако оная ни мало во мнѣ не подѣйствовала: привѣтствïя его и душевныя качества, которыя мнѣ ничто непомѣшало проникнуть, удерживали мою благодарность; я боялся въ немъ найтить солюбовника; во всей его особѣ примѣчалъ я, извѣстную задумчивость отъ страсти рождающуюся, и сходную весьма съ моею; и чудь непроизтекала ли она изъ одного источника; въ сихъ мысляхъ

 утвер-

утвердили меня больше всего вопросы его разные о моемъ состоянiи: ты влюбленъ, сказалъ онъ мнѣ, смущенiе, въ каковомъ я тебя вижу ежечасно погруженна, произходитъ конечно отъ безпокойствъ сердечныхъ; скажи мнѣ о томъ откровенно: естьли я могу что нибудь для тебя здѣлать, то я въ то употреблю себя съ превеликимъ удовольствiемъ; всѣ несчастiя вообще имѣютъ право въ моемъ соболѣзнованiи: но есть изъ нихъ и такiя, кои я оплакиваю больше другихъ несравненно.

Я думалъ, что благодарность моя была весьма не велика, запривѣтствiе Домъ-Габрiела, (такъ ево было имя), и за предложенiя мнѣ отъ него здѣланныя. У меня не было силы утаить отъ него, что я влюбленъ въ самомъ дѣлѣ: но сказалъ ему, несчастiе мое есть такова рода, что не въ силахъ никто кромѣ времяни, произвесть въ немъ перемѣну.

Ты

Ты можешь ожидать оныя, сказалъ мнѣ, а я знаю людей еще гораздо большаго предъ тобой сожалѣнія достойныхъ.

Оставшись одинъ, множество дѣлалъ размышленій о разговорѣ съ нимъ бывшемъ; заключилъ, что Домъ-Габріелъ влюбленъ смертельно, и ни въ ково другую, какъ въ свою невѣсту; всѣ его поступки, которыя съ прилѣжаніемъ я разсматривалъ, утверждали меня въ семъ мнѣніи: видалъ его всегда почти неразлучна съ Аделаидою, взирающаго на нея тѣмижъ самыми глазами, какъ и я. Но однако тогда нечувствовалъ въ себѣ нималѣйшей еще ревности: безпредѣльное почтеніе къ Аделаидѣ, отгоняло отъ меня мысль сію весьма далеко. Но могулъ изтребить изъ сердца своего опасность, чтобъ взоръ любви достойнаго человѣка, старающагося оказать свои услуги, непроизвелъ въ ней наинесноснѣйшія для меня чувства,

 ибо

ибо любовь моя окружила ее только непрерывными безпокойствами!

Въ сихъ размышленіяхъ былъ во время вступленія въ комнату, гдѣ я работалъ, Аделаиды ведомой за руку Домъ - Габріеломъ. Не знаю, говорила она, для чего тебѣ хочется, чтобъ я видѣла уборы пріуготовляемые въ сей комнатѣ: ты знаешъ, сколько я ко всему такому нечувствительна. Отваживаюсь надѣяться, сказалъ я ей, государыня, обратя на нее взоръ свой, что вы удостоя обозрѣнія своего всѿ здѣсь находящееся; можетъ быть не раскаетесь о своемъ снизхожденіи. Аделаида тронутая моимъ голосомъ, тотчасъ меня узнала; опустя въ низъ на нѣсколько минутъ глаза свои, вышла вонъ изъ комнаты не взглянувъ на меня ни раза, сказавъ только, что онъ духу отъ красокъ произходящаго, заболѣла у ней голова.

Я остался въ превеликомъ смущеніи, обремененъ будучи прежестокою печаліею: Аделаида неудостоила меня ни однимъ взглядомъ, отвратя отъ меня и знаки своего гнѣва. Что я ей здѣлалъ, говорилъ самъ въ себѣ! Правда, что я пріѣхалъ сюда противъ ея повѣленія: но естьли бы она меня еще любила, то бы всеконечно простила проступокъ, утверждающій крайность моей страсти. По семъ заключилъ я, какъ уже Аделаида не любитъ меня больше, то надобно непремѣнно, чтобъ она любила другаго; мысль сія повергла меня въ печаль толь сильную, и совсѣмъ новую, что я съ самаго того мига началъ почитать себя совершенно несчастнымъ.

Сентъ-Лоранъ приходя ко мнѣ не рѣдко, вошолъ во время безпокойства моего въ комнату, и увидѣвъ меня въ толь сильной прискорбности, ужаснулся. Что съ тобой здѣлалось, сказалъ мнѣ!

Я погибъ безповоротно, отвѣчалъ ему: Аделаида больше меня не любитъ. Она меня не любитъ больше, повторялъ я слова сіи; возможноль сему статься? Ахъ! Коль не справедливо оплакивалъ я свою судбину, прежде проклятаго часа сего! Какими безпокойствами, какими мученіями, не старался я возвратить утраченное сіе сокровище, сокровище предпочитаемое мной всему на свѣтѣ, которое въ срединѣ наизлоключителнѣйшихъ несчастій, напояло сердце мое толь пріятною отравою!

Долго еще былъ я въ семъ плачевномъ состояніи, не сказавъ Сентъ-Лорану онаго причины: на конецъ онъ узналъ о случившемся со мною. Изъ рѣчей твоихъ слышанныхъ теперь мною, я ни чего не вижу, говорилъ онъ мнѣ, чтобъ могло привесть тебя въ толь сильное отчаяніе. Госпожа Бенавида огорчена быть должна въ самомъ дѣлѣ твоимъ

поступкомъ;

поступкомъ: за то хотѣла тебя наказать изъявленiемъ своего безпристрастiя. По чему ты знаешъ, можетъ быть она и боится измѣнить себѣ возведенiемъ на тебя своего взора? Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ я, нельзя такъ властвовать собою, когда прямо любишъ, въ первомъ движенiи сердце само собою дѣйствуетъ. Надобно непремѣнно, чтобъ я ее увидѣвъ, здѣлалъ выговоръ за толь жестокую и несносную сердцу моему перемѣну. Ахъ! Здѣлавъ столь много, въ доказательство своей ко мнѣ горячности, должноли ей было отвращать отъ меня взоръ свой толь немилосердно? Для чего она меня въ темницѣ не оставила? Въ ней бы я былъ благополученъ, думая непрерывно быть любимымъ.

Сентъ-Лоранъ опасаясь, чтобъ не увидѣлъ меня кто въ семъ состоянiи, привелъ въ комнату, въ которой мы спали. Всю ночь проводилъ я въ прежестокомъ

 мученьѣ;

мученьѣ; ни одна мысль мнѣ въ голову не приходила, которая бы тотчасъ непрогоняема была другою; я проклиналъ свои подозрѣнія; опять къ нимъ же обращался; находилъ себя не справедливымъ, желать, чтобъ Аделаида оказывала ко мнѣ сердечную склонность, долженствующую споспѣшествовать ея несчастью; въ мигъ тотъ упрекалъ самъ себя, любя ее больше для себя, нежели для ней. Естьли я нелюбимъ ею, говорилъ Сентъ-Лорану, буде она любитъ другаго: то чтожъ меня на свѣтѣ удержитъ? Я постараюсь найтить случай говорить съ нею для того только, чтобъ сказать ей прости въ послѣдніе. Она не услышитъ отъ меня ни какихъ упрековъ: печаль моя, которую я отъ ней скрыть не въ силахъ, вмѣсто меня ей ихъ докажетъ.

Въ такомъ предпріятіи я утвердился; заключено было, чтобъ мнѣ тотъ же часъ, какъ ее увижу,

и выговорю всю, ѣхать отъ толѣ; къ тому изъискивали мы средство. Сентъ-Лоранъ мнѣ говорилъ, надобно употребить къ сему время отсудствія Домъ-Габріела на охоту, а господина Бенавида увидя упражняющагося въ своихъ домашнихъ распоряженіяхъ, на которые у него положены нѣкоторые дни въ недѣлѣ.

Онъ отъ меня извлекъ обѣщаніе, чтобъ не подать ни кому о томъ ни малѣйшаго подозрѣнія, я продолжалъ обыкновенную свою работу по прежнему, и началъ говорить о своемъ отъѣздѣ.

И такъ я приступилъ опять къ своему дѣлу. Въ сердцѣ моемъ питалась почти нечувствительная мнѣ самому надежда, что Аделаида придетъ еще въ сіе мѣсто; всѣ движенія ударяющія въ слухъ мой, приводили меня въ толь сильной трепѣтъ, что едва оной переносить былъ въ силахъ; въ такомъ положеніи

былЪ я множество дней сЪ ряду; на конецЪ должно было потерять надежду, улучить время таковымЪ образомЪ говорить сЪ Аделаидой, а стараться предпрїятїе свое произвесть вЪ дѣйство, одну ея увидѣвЪ.

ПришолЪ на конецЪ часЪ сей; я вставЪ вЪ обыкновенное время, чтобЪ иттить кЪ своей работѣ, увидѣлЪ Аделаиду входящую вЪ свою комнату: не сумнѣвался ни мало, чтобЪ неодна она была вЪ оной. ЗналЪ, что ДомЪ ГабрїелЪ уѣхалЪ очень рано, а Бенавида слышалЪ вЪ низу, говорящаго сЪ откупщикомЪ своимЪ.

ВЪ комнату вошелЪ я толь поспѣшно, что Аделаида меня невидала, прежде, какЪ уже я былЪ подлѣ ея близко: она хотѣла уйти тотчасЪ меня увидя: но я удержавЪ ее за платье, не бѣги отЪ меня, сказалЪ ей, государыня, оставЬ меня насладиться благополучїемЪ неоцѣненнымЪ, вЪ послѣднїе

васЪ

васъ видя: пропустя мигъ сей времяни, не оскорблю тебя ничемъ больше; удалюсь отъ тебя умереть съ печали о безпокойствахъ мною тебѣ причиненныхъ, и о потерѣ твоего сердца; желаю, чтобъ Домъ-Габріель, гораздо пре домной счастливѣйшій .... Аделаида, которую удивленіе съ замѣшательствомъ до тѣхъ поръ говорить недопущало, остановила меня при словахъ сихъ, и обратя на меня умильно взоръ свой: Какъ! сказала мнѣ, ты отваживаешься мнѣ дѣлать укоризны! Ты можешъ подозрѣвать меня, ты!....

Сіе одно слово, повергло меня предъ ея ногами. Нѣтъ, любезная Аделаида, сказалъ я, ни малѣйшаго сумнѣнія, оскорбляющаго тебя, я не имѣю; прости меня въ словахъ сихъ, которыхъ бы сердцѣ никогда не сказало.

Я тебя во всемъ прощаю, сказала она мнѣ, только съ тѣмъ,

чтобъ ты тотчасъ отъ селе удалился, и никогда видѣть меня не старался. Подумай, что я для тебя только здѣлалась несчастнѣйшею въ свѣтѣ: а ты еще хочешъ доказать оному, что я наипозорнѣйшая есть въ самомъ дѣлѣ! Я здѣлаю всё, по твоему повелѣнїю; но обѣщай мнѣ по крайней мѣрѣ, что ты меня не возненавидишъ.

Хотя Аделаида и множество разъ мнѣ встать приказывала, однако я всё оставался передъ нею на колѣнахъ; любящїе сердечно знаютъ, коль прелестные заразы заключаетъ въ себѣ, таковое положенїе; въ семъ самомъ видѣ засталъ меня Бенавидъ, отворя вдругъ двѣри; еще почти не обозрѣвъ меня стоящаго предъ женою его на колѣняхъ, бѣжалъ къ ней съ обнаженною шпагою: ¡Умри преступница, вскричалъ онъ. Онъ бы ее закололъ непремѣнно, естьлибы я не заградилъ ее собою, вынувъ въ

тожъ

тожъ время мою шпагу. И такъ я начну съ тебя мое мщеніе, сказалъ Бенавидъ, пораня меня въ плечо тотчасъ. Я не любилъ столько жизнь свою, чтобъ защищать ея былъ въ силахъ; но ненавидѣлъ чрезвычайно Бенавида, и не могъ ему безъ обороны ея оставить. Къ томужъ предпріятіе его противъ жены своей не оставляло меня почти властелиномъ надъ моимъ разсудкомъ; я бросился на него съ размаху, и повергъ его ударомъ моея шпаги безчувственна на полъ.

Служители сбѣжавшіеся на крикъ госпожи Бенавиды, вошли въ комнату; увидѣли меня вынимающаго шпагу изъ тѣла ихъ господина, многіе на меня кинулись; обезъоружили меня безъ всякаго сопротивленія. Видъ госпожи Бенавиды, лѣжащей подлѣ своего мужа, и проливающей слезъ потоки, оставилъ меня въ памяти для того только, чтобъ я могъ вообразить живяе

ея прискорбность. Отвели меня после сего въ комнату, и тамъ заперли.

Въ ней то, преданъ будучи собственнымъ своимъ угрызенїемъ, почувствовалъ я пропасть, въ каторую ввергнулъ госпожу Бенавиду. Смерть ея мужа, полагаемаго мной убитымъ предъ ея глазами, отъ рукъ моихъ, неможетъ сокрыть подозрѣнїй, неминуемо долженствующихъ противъ ея родится. Какихъ укоризнъ не должно мнѣ самому себѣ дѣлать? Будучи источникомъ и прежнихъ ея несчастїй, теперь совершилъ ихъ своею нескромностью. Представлялось мнѣ живо состоянїе, въ каковомъ я ея оставилъ съ гнѣвомъ, на которой она противъ меня привѣдена быть должна непремѣнно: ей надлежало меня возненавидѣть; я то заслужилъ конечно, одна только надежда, изтлѣвающая уже въ сердцѣ моемъ оставалась, что я въ домѣ семъ ни кому былъ не извѣстенъ;

тенъ; воображенїе, сочтену быть злодѣемъ, могущее меня, въ другомъ случаѣ, привести въ ужасъ, нимало меня не огорчало. Аделаида отдастъ мнѣ въ томъ справедливость, и Аделаида была для меня въ то время цѣлымъ свѣтомъ.

Мысль сїя меня нѣсколько успокоила, но тревожился духъ мой одною только нетерпѣливостью, что меня разпрашивать будутъ. Въ срединѣ ночи отворилась двѣрь у моей комнаты; я удивился, увидя входящего ко мнѣ Домъ-Габрїела. Обнадежся, сказалъ онъ подошедъ ко мнѣ ближе; я пришолъ по повелѣнїю госпожи Бенавиды: она столько еще имѣетъ ко мнѣ довѣренности, что нескрыла отъ меня ни чего до тебя принадлежащаго Можетъ статься, присовокупилъ онъ, съ тягчайшимъ вздохомъ, будучи удержать ево не въ силахъ, она бы мыслила совсѣмъ иначе, естьлибы меня знала совершенно; не взирая на то, я за долгъ себѣ ставлю,

отвѣт-

отвѣтствовать усердїемъ моимъ ея довѣренности: тебя спасу я конечно и ея, естьли только будетъ возможно. Ты меня спасти не можешъ, сказалъ я ему: мнѣ должно оправдать госпажу Бенавиду; и я то здѣлаю нещадя ни тысячи своихъ жизней.

Я ему открылъ весь свой замыслъ, и основывалъ ево на томъ, что меня здѣсь ни кто не знаетъ. Предпрїятїе сїе моглобы произведено быть въ дѣйство, отвѣчалъ мнѣ Домъ-Габрїелъ, естьли бы братъ мой былъ не живъ, такъ какъ я вижу, что ты его умершимъ и почитаешъ; рана ево хотя и опасна, но легко можетъ быть не смертельна, и первой знакъ жизни изъявленной намъ отъ него въ сїю минуту, былъ повелѣнїемъ заперть въ комнату госпожу Бенавиду; изъ сего ты видишъ, что онъ ея подозрѣваетъ; ты погибнешъ не будучи спасти ея въ состоянїи. Пойдемъ вонъ отсюда, присовокупилъ онъ; теперь могу

я для тебя здѣлать то, чего завтре можетъ быть произвесть буду не въ силахъ: Чтожъ здѣлается съ госпожею Бенавидою, вскричалъ я? Нѣтъ немогу согласится вытти изъ опасности а ея, поверженну мною въ оной оставить. Я уже тебѣ сказалъ, отвѣчалъ мнѣ Домъ-Габріелъ, что присудствіе твое наведетъ ей больше печальнѣйшихъ слѣдствій. Хорошо! Сказалъ я ему, я удалюсь отъ селе, естьли она того хочетъ, и польза ея требуетъ; я надѣялся, жертвуя, моею жизнью влiять въ нее по крайней мѣрѣ обо мнѣ сожалѣніе: я недостоинъ сего утѣшенія; я несчастенъ безпредѣльно, и незаслуживаю того, чтобъ за нея умеръ. Защити ея, говорилъ я Домъ-Габріелу; ты великодушенъ, непорочность ея и злоключенія должны сердце твое тронуть, ты можешъ разсуждать, говорилъ онъ мнѣ, по сказанныхъ словахъ мною, что польза госпожи Бенавиды для меня

чрезвы-

чрезвычайно драгоцѣнна, и противное оной нарушаетъ покой мой ежечасно; я всю̂ для нея здѣлаю. Ахъ! Присовокупилъ онъ, я бы счолъ себя весьма заплаченнымъ, естлибъ могъ еще думать, что она никово не любитъ; возможноли быть сему, чтобъ благополучїе тронувъ сердце, такое каково ея есть въ самомъ дѣлѣ было для тебя недостаточно? Но пойдемъ вонъ, продолжалъ онъ, употребимъ ночь въ нашу пользу. Онъ меня взялъ за руку, обратилъ фонарь темною стороною, и провелъ тайно чрезъ весь замокъ. Я столько былъ самъ на себя злобенъ, что отчаяннымъ размышленїемъ хотѣлъ видѣть себя еще гораздо злополучнѣе, нежели былъ тогда въ самомъ дѣлѣ.

Домъ-Габрїелъ совѣтовалъ мнѣ, оставляя меня внѣ замка, итить въ одинъ монастырь, которой былъ отъ онаго съ версту. Надобно говорилъ онъ мнѣ, содержать себя скрытно въ семъ

мѣстѣ

мѣстѣ нѣсколько времяни, дабы привесть себя въ безопасность отъ поисковъ, которые принужденъ буду дѣлать: вотъ тебѣ письмо къ одному манастыря сего монаху, на котораго ты во всемъ безъ сумнѣнія положиться можешъ. Я бродилъ еще долгое время около замка, немогъ долго намѣриться отъ него удалиться: но желаніе знать о состояніи Аделаиды, принудило меня на конецъ, иттить въ монастырь оной

Въ нево пришолъ я на развѣтѣ дня; монахъ прочитавъ письмо Домъ-Габріела, отвелъ меня въ комнату. Чрезвычайная моя усталость, и кровь усмотрѣнная имъ на платьѣ, привели его въ опасность, что я раненъ: онъ меня о томъ спрашивалъ, увидя въ безсиліе пришедшаго; служитель призванной имъ, и онъ самъ положили меня въ постелю. Призвали лѣкаря, осмотрѣть мою рану, она весьма заразилась

разилась холодомъ, и трудами мною перенесенными.

Оставшись одинъ съ отцомъ монахомъ, которому я препорученъ былъ, просилъ его послать въ имянованную мной деревню, освѣдомится о Сентъ-Лоранѣ; я думалъ конечно, что онъ ушолъ въ оную: въ томъ я неошибся; онъ пришолъ ко мнѣ съ посланнымъ отъ меня человѣкомъ. Печаль бѣднаго сего служителя была чрезвычайна, узнавъ, что я раненъ; онъ подошолъ къ моей постелѣ, спрашивая меня о состоянiи моего здоровья. Естьли ты хочешъ спасти жизнь мою сказалъ я ему, то должно извѣстить меня, въ какомъ состоянiи находится теперь госпожа Бенавида, освѣдомся обовсемъ, что тамъ произходитъ, и непотеряй ни одной минуты, чтобъ мнѣ во всемъ изъяснится, и думай что претерпеваемое теперь мною во сто разъ несноснѣе смерти. Сентъ-Лоранъ обѣщалъ мнѣ

все

все требуемое мной исполнить; онъ тотъ же часъ вышелъ для предпринятія мѣръ надлѣжащихъ.

Между тѣмъ горячка брала свою силу, рана моя казалася опасной; принуждены были предпринимать со мною разные опыты, но злоключенія душевныя, почти не давали мнѣ чувствовать таковыхъ же моего тѣла. Госпожа Бенавида какъ я ее видѣлъ изъ комнаты вѣдомой, погруженнаю въ слезахъ, и лѣжащая на доскѣ подлѣ своего мужа, пораненнаго мною, не выходила ни наминуту изъ моего воображенія; я разсуждалъ о несчастіяхъ случившихся въ ея жизни. Вездѣ былъ въ оныхъ духомъ присудственъ; супружество ея, избраніе толь ревниваго мужа, пре упрямѣйшаго изъ всѣхъ человѣка, для меня только одного здѣлано было, и ужаснѣйшая сія принесена жертва; а я въ воздаяніе за то пришолъ свершить соборъ толикихъ злополучій;

лучій; подвергнувъ подозрѣнію ея непорочность. Приводилъ себѣ на память оказанную ей отъ меня ревнивость; хотя оная и продолжалась одну только минуту, хотя и одно слово ея со всѣмъ истребило; но немогъ себя тѣмъ извинить нимало. Аделаида должна меня почитать, снизхожденія своего недостойнымъ; ей надлѣжитъ меня возненавидеть; вображеніе сіе толь плачевное, толь отяготительное удерживалось во мнѣ чрезвычайною злобою, противъ самаго себя напоенною.

Сентъ-Лоранъ чрезъ восемь дней ко мнѣ возвратясь: увѣдомилъ меня, что Бенавидова рана весьма опасна, супруга его кажется неутѣшною, а Домъ-Габріелъ ищущимъ насъ повсюду. Извѣстія таковыя невъсилахъ были меня успокоить; я незналъ чего мнѣ желать долженствовало; всѣ обстоятельства казались мнѣ противны; я также не могъ желать и смерти,

ти, воображалось мнѣ, что я долженъ былъ непремѣнно оправдать госпожу Бенавиду.

Монахъ старающїйся о моемъ излеченїи, сжалился надо мною; слышавъ меня ежеминутно изъ влекающаго тягчайшїе вдохи, находилъ всегда лице мое окропленно слезами. Онъ былъ человѣкъ весьма разумной, живщей долгое время въ свѣтѣ, котораго разныя приключенїя въ монастырь итпить понудили. Словами своими не стараясь меня утѣшить, оказывалъ только участїе, прїемлемое имъ въ моихъ безпокойствахъ. Срѣдство сїе было ему удачно: черезъ нѣсколько времяни приобрелъ къ себѣ мою довѣренность, можетъ быть онъ обязанъ тѣмъ былъ необходимости, каковую я находилъ въ его разговорахъ принося безпрестанныя жалобы на свою участь. Довѣренность моя къ нему умножилась, по мѣрѣ выраженїя моихъ несчастїй; черезъ нѣсколько

колько дней онъ столько мнѣ здѣлался нужнымъ, что я немогъ согласится ни на минуту быть съ нимъ въ разлукѣ. Въ жизнь мою ни въ комъ не видывалъ больше его снисхожденія и ласковости, множество разъ повторялъ ему мои несчастныя приключенія: онъ ихъ терпеливо слушалъ, и входилъ чистосердечно въ мои безпокойства.

Чрезъ него получалъ я извѣстія о произходившемъ въ домѣ Бенавида. Рана его долгое время оставляла всѣхъ въ опасности, на конецъ излечился; о томъ увѣдомленъ я былъ чрезъ Домъ-Жерома [такъ называли сего монаха;] напослѣдокъ онъ мнѣ сказалъ, что въ замкѣ кажется всё спокойно, госпожа Бенавида живетъ, еще уединеннее прежняго; здаровьѣ ея не можетъ назваться совершеннымъ, къ тому прибавилъ онъ, что надобно мнѣ какъ возможно скоряе удалится отъ селѣ, дабы не открыли мѣсто моего пребыванія,

ванія и тѣмъ я не навлекъ госпожѣ Бенавидѣ новыхъ злоключеній.

Непремѣнно то должно было исполнить, естьли бы состояніе мое ѣхать дозволяло; рана моя еще не затворилась. Въ семъ домѣ былъ я уже два мѣсяца, какъ увидѣлъ въ одинъ день Домъ-Жерома задумчива и печальна; онъ отворачивалъ отъ меня глаза свои, не отваживаяся на меня и возвесть оныхъ, и съ крайнимъ трудомъ отвѣчалъ на мои вопросы. Дружество мое чистосердечное, достигло уже первѣйшей степени; несчастные бываютъ всегда гораздо чувствительнѣе протчихъ. Спрашивая его притчину задумчивости, увидѣлъ Сентъ-Лорана входящаго въ комнату нашу, и сказывающаго, что Домъ-Габріелъ здѣсь въ домѣ, котораго онъ повстрѣчавшись съ нимъ увидѣлъ.

Домъ-Габріелъ здѣсь, говорилъ я, смотря на Домъ-Жерома, и

ты мнѣ о томъ ничего не скажешь! Для чего такая тайность? Ты открыть ее мнѣ трепѣщешь! Что здѣлалось съ госпожею Бенавидою? Сжалься надо мною, и выведи меня изъ мучительной неизвѣстности, въ каковой я теперь нахожуся. Мнѣ должно тебя и навсегда въ оной оставить, сказалъ мнѣ наконецъ Домъ-Жеромъ, обнявъ меня дружески. Увы! вскричалъ я, она умерла конечно; Бенавидъ принесъ ее ярости своей на жертву... Ты мнѣ ничего не отвѣчаешъ? Ахъ! Уже неостается мнѣ больше надежды. Нѣтъ, не Бенавидъ, говорилъ я опять, но я вонзилъ кинжалъ ей въ сердцѣ; безъ любви моей она бы еще жила и теперь спокойно. Аделаиды нѣтъ больше на свѣтѣ! А я живу еще въ ономъ! Для чего медлю за нею слѣдовать! Для чего мешкаю мщенїемъ ея смерти! Но нѣтъ, предпрїятїе умертвить себя назваться можетъ

милосер-

милосердїемъ самому себѣ здѣланнымъ; не разлучусь самъ съ собою для того только, что бытїе мое наводитъ на меня ужасъ.

Сильное движенїе моей крови отворило рану, бывшую еще тогда не совсѣмъ излѣченну; чрезвычайнымъ истеченїемъ крови приведенъ былъ въ безсилїе толь продолжительное, что уже считали меня мертвымъ, чрезъ нѣсколько часовъ пришолъ опять въ память. Домъ-Жеромъ боясь, чтобъ я не предпринялъ чего противъ своей жизни, приказалъ Сентъ-Лорану быть при мнѣ неотступно. Отчаянїе мое приняло на себя видъ совсѣмъ прежнему отмѣнной. Я остался въ безпрерывномъ безмолвїи, и теченїе слезъ пресеклось. Въ сїе то время предпринялъ я намѣренїе, удалиться въ необитаемое ни кѣмъ мѣсто, и быть въ ономъ добычею снедающей меня тоскѣ и грусти. Воображалось мнѣ превеличайшимъ удовольствїемъ;

естьли я въ состоянїи буду здѣлать себя еще несчастнѣе, нежели былъ тогда въ самомъ дѣлѣ.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть Домъ-Габрїела, ибо видъ его долженствовалъ еще тоску мою умножить, просилъ Домъ-Жерома, чтобъ онъ его привелъ ко мнѣ въ комнату; на другой день пришли они ко мнѣ съ нимъ вмѣстѣ. Домъ-Габрїелъ сѣлъ подлѣ моей постели; мы долгое время не говорили другъ другу ни слова; онъ смотрѣлъ на меня съ наполнеными слезъ очами: на конецъ я прервалъ молчанїе: Ты государь мой весьма великодушенъ, взирая съ сожалѣнїемъ на несчастнаго, къ которому тебѣ великую ненависть имѣть должно! Ты больше несчастливъ, отвѣчалъ онъ, нежели мнѣ тебя ненавидѣть должно. Прошу тебя усердно, говорилъ я, нескрой отъ меня ни малѣйшаго обстоятельства изъ моего несчастїя; изъясненїе мной отъ тебя требуемое,

мое , предъупредить можетъ быть приключенія, отвращеніе которыхъ польза твоя требуетъ. Я умножу твои и мои напасти, сказалъ онъ; однако не взирая на всіо удовольствовать тебя должно; ты по крайнѣй мѣрѣ увидишъ изъ повѣсти, которую тебѣ хочу разсказывать, что не одинъ ты соболѣзнованію достоинъ.

Я никогда не видалъ госпожи Бенавиды до тѣхъ поръ, какъ она здѣлалась мнѣ невѣской. Братъ мой привлеченъ въ Бордо важными дѣлами, въ нея влюбился, и хотя солюбовники его столькожъ были какъ и онъ знатны породой и богати, и заслуживали передъ нимъ преимущество другими качествами своими; однако незнаю для чего избраніе госпожи Бенавиды на него упало. Немного спустя времяни по ихъ свадьбѣ, онъ привезъ ее въ свои деревни. Въ нихъ я въ первой разъ ее увидѣлъ; естьли

 кра-

красота ея привела меня въ удивленіе, то больше того возхитили меня пріятности ея нрава, чрезвычайная нѣжность и рѣдкое цѣломудріе, которыхъ новые опыты братъ мой ежедневно видѣлъ. Между тѣмъ любовь питавшаяся тогда въ сердцѣ моемъ, къ одной прекрасной особѣ, любившей меня сердечно, оставляла меня въ мысляхъ, что я отъ толикихъ заразъ останусь свободенъ.

Самъ я предпринималъ намѣреніе, обязать невѣску, къ изходатайствованію у мужа ея дозволенія на сопряженіе наше съ нею вѣчнымъ союзомъ. Отецъ моей обладательницы, обиженной прежнимъ отказомъ отъ моего брата, далъ мнѣ на размышленіе весьма короткое время, объявя мнѣ и своей дочери, что по прошествіи онаго онъ ее выдастъ за другаго за мужъ.

Пріятство оказываемое ко мнѣ отъ госпожи Бенавиды, подало

дало мнѣ поводъ просить ея въ томъ помощи; я часто прихаживалъ въ ея комнату, въ намѣренїи чтобъ говорить о томъ съ нею; но всегда удерживанъ былъ небольшою какою препоною. Между тѣмъ, время предписанное намъ протекало; приходили ко мнѣ многїя письма отъ любовницы, побуждающїя меня къ рѣшенїю нашей судбины; отвѣты посылаемые отъ меня на оныя неудовольствовали ее ни мало; въ нихъ вкралась совсѣмъ непримѣтная мнѣ холодность, наведшая на меня съ стороны ея укоризны; они казались мнѣ несправедливы, и я ей писалъ стараясь удержать свою невинность. Она сочла себя оставленной; разкаянїе соединившееся съ желанїемъ отца ея, принудили согласиться вступить съ другимъ въ супружество. Она сама меня увѣдомила о своей судбинѣ; письмо ея, хотя и наполнено упрековъ, но было весьма нѣжно,

 оконча-

окончаніе онаго состояло въ прозьбѣ, чтобъ ее ни когда невидѣть. Я ее любилъ весьма много; думалъ, что то продолжу и по конецъ моея жизни: я немогъ получить извѣстія, безъ чувствительной печали, о ея потерѣ, боялся при томъ, чтобъ она не была несчастна, считая всему тому одного себя притчиной.

Всѣ сіи разныя мысли занимали мой разсудокъ; я въ печальныхъ о томъ былъ размышленіяхъ, прогуливаясь въ покрытой дорогѣ извѣстной тебѣ рощи, какъ сошлась со мною госпожа Бенавида; она проникла мое сѣтованіе; спрашивала дружески оному притчину; тайное отрицаніе отъ того меня удерживало. Немогъ согласиться прежде сказать ей, что я былъ влюбленъ смертельно, но удовольствіе говорить о любви съ нею, хотя оная не на нея относилась, преодолѣло. Всѣ сіи движенія произходили въ моемъ

сердцѣ такъ, что я ихъ непримѣчалъ ни мало. Не отваживался еще я и того изслѣдовать, что я чувствовалъ къ своей невѣскѣ; разсказавъ ей мои приключенія, показалъ и письмо отъ дѣвицы де Н. . . ко мнѣ писанное. Для чего ты не говорилъ о томъ мнѣ прежде, сказала она? Можетъ статься я изходатайствовала бы у твоего брата согласіе на бракъ вашъ. Боже мой! Какъ я о васъ сожалѣю! Она непремѣнно будетъ несчастна! Соболѣзнованіе госпожи Бенавиды о дѣвицѣ де Н. . . приводило меня въ опасность, чтобъ она не возъимѣла обо мнѣ худыхъ мнѣній; желая умѣньшить ея о томъ сѣтованіе, старался разсказать ей, что супругъ дѣвицы Н. . . чрезвычайныхъ достоинствъ, знатной породы, имѣетъ не малой чинъ въ государствѣ, и всіо какъ кажется увѣряетъ, что еще величайшей въ томъ степени достигнетъ. Ты обма-

нываешся, отвѣтствовала она мнѣ, естьли думаешь, что всѣ сїи прибытки могуть ее здѣлать благополучной: ни что не въ силахъ возстановить потерю обожаемаго предмѣта. Весьма несносно, присовокупила она, когда дойдеть нужда употреблять должность въ мѣсто склонности. Тягчайшїе извлекала вздохи при сихъ разговорахъ; я видѣлъ ясно, что она съ нуждою могла удерживать въ очахъ своихъ слезы.

Сказавъ мнѣ еще нѣсколько словъ меня покинула, силы мнѣ не доставало за нею слѣдовать, я остался въ смятенїи непостижимомъ; вдругъ представилось мнѣ то, что я до сего времяни не хотѣлъ видѣть, коль сильно былъ влюбленъ въ свою невѣску; не закрыто для меня и то, что она въ сердцѣ своемъ нѣжнѣйшую страсть питала. Приводилъ себѣ на память тысячу обстоятельствъ, до сего времяни мнѣ непримѣтныхъ.

Склонность

Склонность ея къ уединенїю, удаленїе отъ всѣхъ веселостей въ толь молодыхъ лѣтахъ, чрезвычайная задумчивость, приписываемая дурнымъ съ нею поступкамъ моего брата, казались мнѣ произтекающими изъ другаго совсѣмъ източника. Колико размышленїй печалныхъ представилось въ тожъ время моему разсудку! Видѣлъ себя влюбленна въ особу пылающую страстью къ другому, и которую мнѣ любить долгъ запрещаетъ. Естьли она никаво не любитъ, говорилъ я самъ себѣ, то любовь моя, хотя и безъ всякой надежды, но можетъ быть прїятна; мнѣ дозволено будетъ требовать отъ нея дружбы; она мнѣ за все воздаянїемъ будетъ: но дружба сїя ни чего для меня въ себѣ не заключаетъ, естьли она имѣетъ нѣжнѣйшїя мысли къ другому. Я чувствовалъ, что должно мнѣ употребить всѣ

силы къ излѣченїю страсти противной моему покою, и которою наслаждаться честность мнѣ недозволяетъ. Предприялъ намѣренїе удалиться, и съ тѣми мыслями вошелъ въ замокъ, чтобъ сказать брату необходимую надобность, принуждающую меня отъ него ѣхать: но видъ госпожи Бенавиды предпрїятїе мое совсѣмъ разрушилъ, принудя самого старатся всѣми силами изобрѣсти причину, оставляющую меня при невѣскѣ; мнѣ вообразжалось, что оставшись буду ей полезенъ, для отвращенїя дурнаго мужнина нрава.

Въ сїе самое время ты прїѣхалъ, въ тебѣ я находилъ видъ и поступки, открывающїя твое истинное состоянїе. Я тебѣ оказывалъ прїятство, и хотѣлъ прїобрѣсть твою довѣренность. Намѣренїе мое было склонить тебя по томъ къ списанїю госпожи Бенавиды: ибо, невзирая на всѣ любовныя заразы,

разы, я былъ твердаго намѣренія удалиться, и хотѣлъ, разлучась съ нею на вѣки, по крайней мѣрѣ имѣть при себѣ лица ея изображеніе. Поступокъ каковымъ ты отвѣчалъ моимъ ласкамъ, показалъ мнѣ, коль мало мнѣ отъ тебя ожидать оставалось; и я поѣхалъ искать другаго живописца, въ самой тотъ день несчастной, въ которой ты покололъ моего брата. Разсуждай о моемъ удивленіи, когда я по возвращеніи своемъ обо всемъ произшедшемъ обстоятельно услышалъ. Братъ мой, будучи тяжко пораненъ, лѣжалъ въ глубочайшемъ безмолвіи, обращая не рѣдко ужаснѣйшія взоры на госпожу Бенавиду. Позвалъ меня къ себѣ тотчасъ, какъ скоро увидѣлъ. Избавь меня, сказалъ мнѣ, присудствія жены мнѣ измѣнившей; вели отвесть ее къ ней въ комнату, и не прикажи ни куда выпущать изъ оной. Я хотѣлъ было

говорить съ нимъ нѣчто: но господинъ Бенавидъ, пресекъ рѣчь мою при первомъ словѣ: Исполни мою волю сказалъ мнѣ, или не видь меня на вѣки.

Должно было повиноваться. Я подошелъ къ своей невѣскѣ; просилъ ее, чтобъ она дозволила мнѣ говорить съ нею въ ея комнатѣ; она слышала повелѣнїе здѣланное мнѣ отъ ея мужа; пойдемъ, сказала мнѣ, проливая слезъ потоки, исполни то, что тебѣ приказано. Слова сїи заключая въ себѣ смыслъ укоризны, пронзили меня печалью; я немогъ на нихъ отвѣтствовать находясь въ томъ мѣстѣ: едва мы только вошли къ ней въ комнату, какъ я взирая на нея плачевными очами: Возможноли! Сказалъ я ей, государыня, чтобъ ты меня!, чувствующаго безпокойства твои равно съ тобою, и готоваго за тебя отдать жизнь свою, съ гонителемъ своимъ

имъ равняла. Я ужасаюсь выговоря тебѣ сїе слово : но боюсь, чтобъ жизнь твоя осталась въ страхѣ смертельномъ. Поѣзжай на нѣсколько времяни въ безъопасное мѣсто; я тебя провожу въ оное. Незнаю, хочетли меня господинъ Бенавидъ лишить жизни, отвѣчала она : а вѣдаю то безъ ошибки, что долгъ мой обязываетъ меня не оставлять его ни наминуту, которой я все конечно, чего бы мнѣ то ни стоило, исполню, на нѣсколько минутъ она замолчала, а потомъ опять начавъ говорить: Я хочу, продолжала она, подать тебѣ, наичистосердечнѣйшею довѣренностью, важнѣйшїй опытъ усерднаго моего къ тебѣ почтенїя, но въ семъ случаѣ потребна превеличайшая съ стороны твоей скромность. Поди опять къ твоему брату; долговремянной разговоръ нашъ наведетъ на него подозрѣнїе ; и возвратись сюда какъ возможно скоряе.

Я вышелъ, по желанію Госпожи Бенавиды изъ ея покоевъ. Лекарь запретилъ никово не впущать въ комнату господина Бенавида; я бросился опять къ женѣ его разтревоженной разными мыслями; желалъ знать, что за тайность она мнѣ открыть хочетъ, а при томъ и боялся оную услышать. Она мнѣ разсказала, какъ она съ тобой познакомилась, любовь, которую ты къ ней почувствовалъ съ перваго взгляда: не скрыла отъ меня и склонности вліяной въ сердцѣ ея тобою.

Какъ! Вскричалъ я въ семъ мѣстѣ повѣсти Домъ-Габріела, я произвелъ склонность въ напрелестнѣйшей въ свѣтѣ особѣ; и ея лишился на вѣки? Воображеніе сіе пронзило сердце мое мнѣніемъ толь нѣжнымъ, что слезы остановленныя до тѣхъ поръ чрезвычайностью моего отчаянія, потекли безпрерывно.

Справедливо; продолжалъ Домъ-Габріелъ, ты былъ любимъ ею безпредѣльно; какое основаніе горячности къ тебѣ открылъ я въ ея сердцѣ, не взирая на ея несчастія, и тогдашнее состояніе! Я чувствовалъ, что она останавливалась всегда съ превеликимъ удовольствіемъ надъ всѣмъ тѣмъ, что ты для нея здѣлалъ. Она признавалась мнѣ, что тебя приведенная мной въ комнату, въ которой ты работалъ, тотъ часъ узнала, что она къ тебѣ писала, приказывая поспѣшно отъ мѣстъ обитаемыхъ ею удалиться, и что не могла сыскать случая отдать тебѣ писмо свое. По семъ разсказала мнѣ, какъ нечаянно зашолъ къ вамъ мужъ ея, въ самое то время, какъ ты съ нею прощался на вѣки, что онъ ея хотѣлъ умертвить, и что ты защищая ея поранилъ Бенавида. Спаси сего несчаснаго присовокупила она; ты одинъ только можешъ избавить отъ пріуготовляю-

ляющейся ему напасти: ибо я его знаю, что въ опасности меня чѣму нибудь подвергнуть, онъ вытерпитъ наижесточайшія мученія лутче, нежели скажетъ про себя, кто онъ таковъ въ самомъ дѣлѣ. Воздаяніе его, сказалъ я, государыня, за претерпѣваемыя имъ напасти умножается чрезвычайно хорошими мыслями вкорененными о немъ въ вашемъ сердцѣ. Я тебѣ открыла всю мою слабость, говорила она: но тебѣ должно видѣть, что естьли я и не была обладательницею моихъ мыслей, по крайней мѣрѣ повелѣвала всегда моимъ поступкомъ, не здѣлала ни одной ступени въ моемъ поведеніи, которую бы наистрожайшая должность опорочить была въ силахъ. Ахъ! Государыня, сказалъ я, нѣтъ тебѣ оправдать себя ни малой нужды, я знаю самъ собою, что никогда по должности управлять сердцемъ своимъ не возможно. Я всю употреблю, присовокупилъ

вилЪ я, повелѣнїе твое исполнить и избавить Графа Коминжа: но осмѣлюсь тебѣ сказать, что онЪ можетЪ быть, не несчастнѣйшей вЪ свѣтѣ.

Произнеся слова сїи вышелЪ изЪ комнаты, не осмѣлясь возвесть очей своихЪ на госпожу Бенавиду; пришедЪ кЪ себѣ вЪ покой, размышлялЪ что мнѣ дѣлать; намѣренїе мое было тебя избавить: но незналЪ не должноль мнѣ и самому бѣжать отЪ толе. Претерпѣнное мною во время повѣсти ея, открыло мнѣ ясно, сколь сильно я влюбленЪ былЪ вЪ Аделаиду. Надлежало освободиться отЪ страсти, толь для добродѣтели моей опасной: но тутЪ же заключалась жестокость, оставить госпожу Бенавиду одну вЪ рукахЪ мужа, почитающаго ее измѣнницею своею. По многихЪ недоумѣнїяхЪ, согласился я помогать госпожѣ Бенавидѣ, и убѣгать рачительно пре-

прелестнаго ея взора. О изведенiи тебя изъ темницы, сказалъ я ей уже на другой день; съ начала показалась она мнѣ гораздо спокойнѣе; но потомъ увидѣлъ опять грусть ея еще умножающуюся, и не сомнѣвался, чтобъ оной не открытiе моихъ мыслей былъ източникъ; я оставилъ ея одну, избавляя отъ замѣшательства, въ каковое ввергало ея мое присудствiе.

Множество дней проводилъ ея невидя. Болѣзнь братнина усиливаясь ежечасно, и приводя всѣхъ въ опасность о его жизни, принудила меня навѣстить ея въ комнатѣ. Естьлибы я лишилась господина Бенавида, сказала она мнѣ, отъ естественнаго припадка, то бы утрата его меньше была для меня чувствительна; но участiе каковое я въ томъ прiемлю, здѣлаетъ оную мнѣ совершенно несносною. Не боюсь дурныхъ поступокъ, которыя

рыя онъ противъ меня предпринять можетъ; но опасаюсь того, чтобъ не умеръ, мыслями о невѣрности моей наполненъ. Естьли онъ живъ будетъ, то надѣюсь, что узнаетъ мою невинность и удостоитъ меня своей довѣренности. Надобно также, сказалъ я государыня, чтобъ и я постарался заслужить твою моимъ поступкамъ, прости меня въ мысляхъ выраженныхъ мною тебѣ прежде; я былъ не въ силахъ воспрепятствовать ихъ началу, ни сокрытiю отъ тебя оныхъ. Незналъ самъ и того, могули преодолеть ихъ совершенно; но клянусь тебѣ по совѣсти и чести, что во всю жизнь тебя ими не обезпокою. Я было уже и предпрiялъ намѣренiе отъ селе удалиться, естлибъ собственная твоя польза меня отъ того не удержала. Признаюсь, сказала она, что ты меня чувствительно огорчалъ изъясненiемъ оныхъ. Несчастiе хотѣло лишишь меня и того утѣшенiя, кото-

которое я въ дружбѣ твоей полагала.

Слезы проливаемыя ею во время словъ сихъ, произвели во мнѣ дѣйствія больше, нежели весь мой разсудокъ; я устыдился умножать злополучіе особы, и безъ того чрезвычайно несчастной. Нѣтъ, государыня, сказалъ я ей, ты нелишишся сей дружбы, въ которой теперь имѣешъ нужду, и я конечно здѣлаюсь твоей достоинъ, стараніемъ прилагаемымъ отъ меня загладить мое заблужденіе.

Въ самомъ дѣлѣ оставя ея, находилъ себя гораздо покойнѣе, нежели былъ во все время моего съ нею знакомства. Неудаляясь отъ нея ни мало, хотѣлъ дружествомъ утверждающимся мѣжду нами, во время почти неразлучнаго свиданья, подать себѣ новыя притчины исполнить мою должность. Срѣдство сіе было мнѣ удачно; я приучалъ себя помалу, любовныя мысли

превра-

превращать въ оное, разсказывалъ ей безпристрастно успѣхъ моего разсудка надъ господствующей страстью, и получалъ отъ нея чистосердечную за то благодарность, такъ какъ за здѣланіе ей наичувствительнѣйшей услуги, съ воздаяніемъ мнѣ за оную новыхъ знаковъ довѣренности. Сердце мое иногда еще волновалось: но разумъ всегда имѣлъ надъ нимъ господство.

Братъ мой, бывши толь долгое время въ опасности, на конецъ изъ нея вышелъ; онъ никогда не хотѣлъ дозволить женѣ своей ево видѣть, не смотря что она много разъ того требовала. Еще не въ силахъ былъ выходить изъ комнаты, какъ госпожа Бенавида занемогла сильно: молодость ея перенесла болѣзнь сію, и я надѣялся, что оная смягчитъ сердце ея мужа; отрицаніе его ея видѣть хотя и въ равной было силѣ; однако иногда случалось, что во время

жестокой

жестокой ея болѣзни, спрашивалъ о состоянїи ея здаровья, будучи самъ въ крайнемъ замѣшательствѣ объ ономъ.

Она начала уже выздоравливать, какъ господинъ Бенавидъ меня къ себѣ позвалъ. Важное одно дѣло, сказалъ мнѣ, требуетъ присудствїя моего въ Сарагосѣ; здаровье мое не дозволяетъ мнѣ предпринять туда путешествїя, прошу тебя усердно, вмѣсто меня съѣздить. Я приказалъ уже къ отъѣзду всѐ изготовить, и ты меня одолжишъ чувствительно, немедлѣнно туда отправясь. Онъ меня былъ многими годами старѣе, я къ нему имѣлъ всегда почтенїе, каковое къ отцу имѣть должно, и онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ былъ вмѣсто онаго. И такъ я не имѣя ни какой притчины, отговариваться отъ его предложенїя, долженствовалъ непремѣнно ѣхать согласиться: но думалъ, что таковой знакъ моей къ нему учтивости,

вости, подастъ мнѣ право говорить ему о госпожѣ Бенавидѣ. Чего я неупотреблялъ, къ смягченію сердца его въ пользу сей несчастной. Слова мои, какъ казалось, его преодолѣли, и я считалъ уже побѣду свою надъ нимъ совершенной. Я любилъ госпожу Бенавиду, сказалъ онъ мнѣ, весьма страстно, склонность моя къ ней въ сердцѣ моемъ и теперь еще не совсѣмъ погасла: но надобно, чтобъ время и будущіе ея поступки загладили, во внутренности моей воспоминовеніе видѣннаго мною. Я неотважился опровергнуть причины таковыхъ жалобъ; то бы послужило къ приведенію на память бывшаго съ нимъ отчаянія: прежде просилъ у него только позволенія, сказать невѣсткѣ о надеждахъ отъ него ей преподаваемыхъ; онъ мнѣ то дозволилъ. Бѣдная сія женщина приняла извѣстіе сіе съ чрезвычайною радостію: Я знаю, говорила она, что я не могу быть благо-

получна съ господиномъ Бенавидомъ: но по крайней мѣрѣ буду имѣть утѣшенїе остаться тамъ, куда меня ведетъ моя должность.

Я ее оставилъ, обнадежа о хорошихъ мысляхъ моего брата; лутчему одному служителю, прїобрѣтшему къ себѣ мою довѣренность, поручено было отъ меня, примѣчать за всемъ до нея принадлежащемъ, и мнѣ подавать извѣстїя. По сихъ предосторожностяхъ, сочтя ихъ достаточными, поѣхалъ я въ Сарагосу. Уже съ двѣ недѣли бывши тамъ по моемъ прибытїи, не имѣлъ о невѣсткѣ ни какого увѣдомленїя; толь долгая неизвѣстность начала меня уже безпокоить, какъ я получилъ письмо отъ слуги сего, которой меня увѣдомлялъ, что спустя три дни послѣ моего отбытїя, господинъ Бенавидъ выслалъ его и всѣхъ его товарищей изъ своего дома, и оставилъ

только при себѣ одного человѣка съ женою.

Ужасъ обнялъ меня, читая письмо его, и неудерживаясь ни мало порученными мнѣ дѣлами, поѣхалъ тотчасъ на почтовыхъ лошадяхъ обратно въ домъ Г: Бенавида.

Отъ селѣ уже я былъ не далеко, какъ получилъ горестное извѣстіе о смерти Бенавиды; братъ мой писавъ ко мнѣ самъ, кажется столько онымъ приключеніемъ тронутъ, что ни мало его участникомъ въ томъ положить не можно; онъ увѣдомляетъ меня, что любовь къ женѣ своей преодолѣла на конецъ гнѣвъ его на нея справедливой, что онъ былъ уже совсѣмъ готовъ, простить ей всѣ вины ея, какъ алчная смерть у него ее похитила, что она вскорѣ послѣ моего отъѣзда занемогла съ нова, и что горячка сильная въ пятой день пресекла жизнь ея. Я узналъ, чрезъ нѣсколько времяни

по моемѣ сюда прибытіи, для снисканія себѣ утѣшенія отъ Домъ-Жерома; что онъ повер-женъ въ преужасную задумчивость: онъ нехочетъ никого видѣть; онъ и меня просилъ въ письмѣ своемъ, чтобъ не такъ скоро къ нему ѣхать.

Мнѣ нѣтъ ни малаго труда, ему въ томъ здѣлать послушаніе, продолжалъ Домъ-Габріелъ: мѣста, въ которыхъ я видалъ несчастную Бенавиду, и въ коихъ уже больше ее не увижу, прибавятъ еще моей печали; кажется, что смерть ея возбудила прежнія мои мысли, и я не знаю, что пріемлетъ больше участія въ семъ жалостномъ приключеніи, любовь или дружба. Я предпринялъ намѣреніе, отправиться въ Венгрію, въ которой уповаю найтить смерть, въ опасностяхъ военныхъ, или возвратить покой погибшей.

Домъ-Габріелъ престалъ продолжать рѣчь свою. Я не могъ

ему

ему отвѣтствовать; голосъ мой пресекался извлеченїемъ тягчайшихъ вздоховъ, и пролитїемъ слезъ непрестанныхъ; онъ также не меньше моего плакалъ; на конецъ меня оставилъ, неслыхавъ отъ меня ни слова. Домъ-Жеромъ провожалъ его изъ покоевъ, а я остался одинъ въ моей комнатѣ. Слышанное мною умножало нетерпѣливость, ощущаемую во внутренности моего сердца, быть въ мѣстѣ, въ которомъ бы ничто печали моей мѣшать было не въ силахъ; желанїе произвесть замыслъ мой въ дѣйство, поспѣшило моимъ выздоровленїемъ Страдавши толь долгое время, силы мои начали собираться; рана затворилась, и я былъ въ состоянїи чрезъ нѣсколько времяни выѣхать. Прощанье наше съ Домъ-Жеромомъ было весьма дружеское, а особливо съ ево стороны я хотѣлъ было и ему тѣмъ же отвѣтствовать; но потерявъ любезную свою Аделаиду,

мысли у меня иной не было, какъ оплакивать сїю невозвратную потерю; намѣренїе мое скрывалъ я по мѣрѣ силъ моихъ, опасаясь, чтобъ не здѣлали мнѣ въ томъ какой препоны; къ матери своей писалъ я чрезъ Сентъ-Лорана, котораго увѣрилъ, что дождусь отъ него отвѣта въ семъ же самомъ мѣстѣ. Письмо сїе заключало въ себѣ всю подробность случившагося со мною; окончанїемъ онаго была прозьба, чтобъ она меня простила въ невольномъ ея оставленїи; считалъ за нужное, лишить ее зрака наинесчастнѣйшаго человѣка, ожидающаго единой только смерти; на конецъ просилъ ее усердно, чтобъ нестараться открыть мѣсто моего пребыванїя; и препоручалъ въ милость ея Сентъ-Лорана.

При отправленїи его отдалъ ему почти всѣ бывшїя у меня деньги; а оставилъ у себя только потребное число къ моему путешествїю. Письмо госпожи

Бенавиды

Бенавиды и портретъ, хранящїеся всегда близъ моего сердца, составляли всю̂ мое сокровище. На другой день отъѣзда Сентъ-Лоранова, и я въ путь свой отправился; прибылъ почти нигдѣ не останавливаясь въ Игуменство Трапское. . . . Спросилъ въ немъ себѣ монашеское платьѣ; отецъ Игуменъ принудилъ меня быть нѣсколько времяни въ искусѣ. По прошествїи онаго меня вопрошали, не превозходятъ ли мои силы, пища и строгое монастырское содержанїе; печаль мною толь сильно обладала, что мнѣ и самому перемѣна пищи была непримѣтна, также и строгое содержанїе, о которомъ мнѣ говорили.

Нечувствительность моя въ семъ случаѣ, принята была знакомъ моей ревности, и я былъ въ число трудниковъ принятъ. Твердое упованїе, что слезы мои ни кѣмъ помѣшаны небудутъ, и провожу всю жизнь свою въ семъ для

меня прелестномъ упражненіи, подало мнѣ превеликое утѣшеніе. Ужасное уединеніе, безмолвіе царствующее непрерывно во всемъ семъ обиталищѣ, сокрушеніе всѣхъ окружающихъ меня монаховъ, предали меня безпрерывной печали, мнѣ на конецъ не оцѣненной и наполняющей мѣсто моей потери; должность монастырская отправляема мною была точно; ибо для меня всё было равно и безпристрасно; всякой день хаживалъ я въ лѣсъ въ уединенное мѣсто: тамъ читывалъ письмо, и сматривалъ на изображеніе прелестной Аделаиды; окроплялъ ихъ слезами и возвращался всегда, имѣя сердце больше прежняго пачалью напоенно.

Три года уже протекли въ провожденіи таковой жизни, неуслада ни мало мои безпокойства, какъ позывалъ меня звонъ колокольной къ присудствію умирающаго монаха; онъ уже лѣжалъ

на

на пеплѣ, и ко всему былъ по долгу Христіанскому изготовленъ, какъ потребовалъ отъ отца Игумена дозволенія, говорить нѣчто важное

Долженствующее мной теперь предложено быть, отецъ преподобный, присово упилъ онъ, произведетъ во всѣхъ слушателяхъ новое благоговеніе къ извлекшему меня, толь стpoзчными случаями, изъ глубочайшей пропасти въ которую я былъ поверженъ, дабы привести меня въ пристанище спасенія.

Продолжать началъ онъ слѣдующимъ образомъ: Я недостойна имяни брата, которымъ меня сіи святые отцы почитали; вы видите во мнѣ несчастную грѣшницу, приведенную въ мѣста сіи святыя проклятою любовью. Я любила молодаго человѣка, равной со мной породы, и отъ него была любима взаимно: ненависть отцовъ нашихъ здѣлала непреодолимую препону въ со-

пряженїи насъ вѣчнымъ союзомъ; я сама была принуждена въ пользу моего любовника, вытити за другаго за мужъ. Старалась избранїемъ мужа, доказать ему чрезвычайность безпредѣльной моей страсти; немогущей произвесть въ сердцѣ моемъ ничего кромѣ ненависти и отвращенїя, былъ предпочтенъ протчимъ, для того что онъ не въ силахъ былъ, здѣлать любовника моего къ нему ревнивымъ. Божїе попущенїе здѣлало, что союзъ сопряженной на толь непозволенномъ основанїи былъ для меня источникомъ безпрерывныхъ злоключенїй. Мужъ мой и любовникъ бившись между собою на шпагахъ, поранили другъ друга въ моемъ присудствїи; сокрушенїе вкоренившееся отъ сего приключенїя въ мое сердце, повергло меня въ болѣзнь чрезвычайную; я еще отъ ней не освободилась, какъ мужъ мой заключилъ меня въ темницу, и пропустилъ вездѣ слухъ

о моей смерти; два года я пробыла въ семъ мѣстѣ, неимѣя никакого утѣшенія, кромѣ подаваемаго мнѣ человѣкомъ приносящимъ пищу. Мужъ мой не удовольствуясь злостьми мнѣ причиняемыми, былъ столько жестокъ, что огорчалъ меня еще гораздо больше въ моей напасти: но что я говорю? о Боже мой! Могуль я отважиться, назвать жестокостію средство ниспосланное отъ тебя въ мое наказаніе! Толикое сборище печалей не открыло мнѣ нимало глазъ на мои заблужденія; и я вмѣсто оплакиванія грѣховъ моихъ, оплакивала только моего любезнаго. Смерть мужа моего свободила меня на конецъ изъ неволи; тотъ же самой служитель, будучи о жребіи моемъ одинъ извѣстенъ, пришолъ отворить двери моего заточенья, уведомя меня, что я разглашена повсюду мертвою, съ самаго моего заключенія. Въ избѣжаніе

слуха, могущаго наполнить всѣ мѣста моимъ приключенїемъ, пришло мнѣ на мысль куда нибудь уединиться; и въ совершенїе сего предприятїя, услышала я, что ни малѣйшаго нѣтъ извѣстїя о особѣ, могущей только меня удержать въ свѣтѣ. Я переодѣлась въ мужеское платье, чтобъ удобнѣе изъ замка выттити было можно Монастырь избранной мною въ мысляхъ, и въ которомъ я была воспитана, отъ жилища моего весьма былъ недалеко; я уже была въ пути къ оному, какъ неизвѣстное движенїе понудило меня, заитти въ здѣшную церковь; едва только вошла я въ оную, какъ поражена была изъ приносящихъ хвалу Вышнему, однимъ голосомъ прїобыкшимъ уже изъ давна, находить путь къ моему сердцу: я думала, что сильное воображенїе о томъ, проводитъ мой разсудокъ: я къ нему приближилась, и не взирая на перемѣну,

мѣну, произведенную времянемъ и чрезвычайно строгимъ содержанїемъ, въ лицѣ его узнала сего прелестника, толь неоцѣненнаго моему сердцу Боже мой! Что со мной здѣлалось при семъ взглядѣ! Какимъ смятенїемъ покрылся мой разсудокъ? Не принеся нималѣйшей благодарности Вышнему, за приведенїе его въ состоянїе людей праведныхъ, произносила хулу противъ его, за отнятїе у меня толь дражайшаго предмѣта! Ты не наказалъ меня, за таковыя мои отвращенїя достойныя беззаконїя, о Боже мой! Я употребила собственную мою бѣдность съ несчастїемъ, дабы привлечь къ себѣ мою душу. Не въ силахъ была я удалиться отъ мѣстъ, въ коихъ все сокровище мое обитало, и дабы съ нимъ быть навсегда неразлучной, отпустила я проводника своего, предстала предъ тебя, отецъ праведной; ты обманулся старанїемъ

моимъ ревностнымъ о принятіи меня въ сообщество ваше, и меня тѣмъ удостоилъ. Какое положеніе души моей принесла я съ собою къ толь святымъ упражненіямъ вашимъ? Сердце исполненное страсти, не мыслящее ни о чемъ больше любезнаго ему зрака. Всевышній Творецъ! хотя меня самое себѣ оставить, подать больше причины къ униженію себя предъ онымъ въ надлежащее время, дозволялъ мнѣ безъ сумнѣнія сіи удовольствія напоенныя ядомъ, чувствовать въ томъ же воздухѣ и мѣстѣ, гдѣ вы теперь пребываете. Я по всюду за стопами его слѣдовала; помогала во всѣхъ трудныхъ ему работахъ, столько сколько силы мои дозволяли; чемъ самымъ и заплачена была въ то время за всѣ претерпѣваемыя мной напасти. Заблужденіе мое не простиралось однако до такой степени, чтобъ ему открыться: но чтожъ меня

отъ

отъ итого удерживало? Опасность потревожить покой разрушившаго мой безконечно; безъ сея опасности можетъ бы статься я всё употребила, чтобъ отторгнуть отъ Вышняго душу, почитаемую мною отдавшеюся ему совершенно; два мѣсяца уже прошли моего пребыванія въ семъ мѣстѣ, какъ я сохраняя повелѣнія святаго основателя сего мѣста, желавшаго безпрерывнымъ воображеніемъ о смерти, здѣлать святою жизнь всѣхъ монаховъ, ибо отъ него имъ всѣмъ приказано было, приуготовлять самимъ для себя могилы; обыкновенно слѣдывала всегда на работу сію за поразившимъ сердце мое предмѣтомъ; видъ сея могилы, ревность, съ каковою онъ себѣ вырывалъ оную, пронзили сердце мое толь жестокою печалью, что я принуждена была удаляся оттоле, дать вольное теченіе слезамъ моимъ, ибо безъ того онѣ бы мнѣ

измѣ-

измѣнили; съ того времяни мнѣ казалось, что я его теряю невозвратно, воображенїе сїе неоставляло меня ни на минуту. Желанїе мое быть съ нимъ вмѣстѣ, усугубилось взявъ новыя силы; я повсюду за нимъ слѣдовала; и естьли я была нѣсколько часовъ его невидавши, то думала тогда, что его не увижу вѣчно.

На конецъ наступалъ благополучной мигъ, прїуготовленной Вышнимъ къ обращенїю меня въ послушанїе его воли. Мы пошли въ лѣсъ для рубленїя себѣ дровъ на нужду въ домѣ; я увидѣла, что товарищь мой меня оставилъ. Безпокойство, вкоренившїеся отъ того въ мое сердце принудило меня искать его повсюду. Бѣгая по разнымъ дорогамъ того лѣса, узрѣла его въ сокровенномъ мѣстѣ упражняющагося въ расматриванїи вынятыя имъ изъ за пазухи вещи. Задумчивость его была толь велика, что я подошла къ нему,

я имѣла время разсмотрѣть то, что онъ въ рукахъ своихъ держитъ, а онъ меня не примѣтилъ. Какое во мнѣ здѣлалось удивленіе узнавъ, что то было лице моего изображенія! По сему я увидѣла ясно, что ненаслаждаясь нимало покоемъ, которой я потревожить толь сильно боялась, онъ такъ же былъ несчастною жертвою господствующей страсти; вдругъ вообразился мнѣ творецъ мой прогнѣваннымъ чрезвычайно, и хотящимъ поразить всемощною своею десницею; я думала, что любовь сія, принесенная мною къ престолу Божію, навлекла мщеніе небесное на источникъ оной. Наполнена будучи сими мыслями, пошла повергнуть себя къ подножію сего престола; просила Вышняго о обращеніи моего любовника. Справедливо, мой Господи! За него я тебя молю съ сокрушеніемъ сердца, за него проливаю предъ тобою толикое множество слезныхъ токовъ; полза

его собственная привела меня къ тебѣ. Ты сжалился надъ слабостью моею; мольба моя коль ни недостаточна, и коль грѣшна ни была, стала тобой услышана: милосердїе твое разлїялось по всему моему сердцу. Съ самаго того времяни почувствовала я покой души, бывшей уже съ нимъ неразлучной, и никово кромѣ Творца своего не искавшей. Онъ меня еще хотѣлъ очистить терпѣнїемъ; и я чрезъ нѣсколько дней занемогла.

Естьли товарищъ въ моихъ заблужденїяхъ страдаетъ еще подъ игомъ грѣховнымъ, чтобъ онъ возрѣлъ теперь на предмѣтъ до сего времяни обожаемый имъ безразсудно, чтобъ возвелъ только на меня теперь свои очи, помыслилъ бы о страшномъ часѣ семъ, къ которому я приближаюсь; и которой его не минуетъ; о дни томъ, въ которомъ Божїе милосердїе пресечется, и не будетъ ничего кромѣ правосудїя слышно,

но. Но я чувствую, что мигъ послѣдней моей жертвы наступаетъ, прошу помощи и молитвъ святыхъ братій: отпустите мнѣ срамъ отъ меня вамъ причиненной, я считаю себя недостойной погребена быть между вами.

Голосъ Аделаидинъ, изображающейся живо и теперь въ моей памяти, подалъ мнѣ способъ узнать ея съ самаго первваго слова. Какое выраженіе сильно представить происходившее тогда въ моемъ сердцѣ! Всю что нанежнѣйшая любовь соболѣзнованіе и отчаяніе могутъ заставить чувствовать, ощущаемо было тогда въ моемъ сердцѣ.

Я лѣжалъ ницъ, какъ и прочїе монахи, во все время ея рѣчи; опасность наималѣйшую часть потерять изъ словъ ея, удерживала меня въ предѣлахъ благопристойности; но какъ я понялъ, что уже она испустила духъ свой, возопилъ толь жалостно, что монахи пришедъ меня подняли.

Я вырвался изъ рукъ ихъ, бросился на колѣни предъ тѣломъ Аделаидиномъ, взявъ ея руки, орошалъ ихъ моими слезами: Итакъ я тебя потерялъ вторично любезная Аделеида, вскричалъ я, и потерялъ теперь на вѣки! Какъ! Ты толь долгое время была со мною вмѣстѣ, и неблагодарное мое сердце тебя не узнало! По крайней мѣрѣ мы съ тобою навсегда не разлучимся; смерть будучи нестоль, какъ отецъ мой безчеловѣчна, присовокупилъ я, держа ее въ своихъ объятіяхъ, соединитъ насъ противъ его воли.

Истинное благочестіе не жестоко: отецъ Игуменъ смягчась симъ зрѣлищемъ, старался увѣщаніями весьма нѣжными, и самыми Христіанскими, уговорить меня, тѣло ея, держанное мной крѣпко въ объятіяхъ, оставить. На конецъ принужденъ былъ употребить къ тому силу; отвели меня въ келью, куда и отецъ Игуменъ за мной послѣдовалъ; всю

ночь

ночь препроводилъ со мною, не выигравъ ни чего надъ моимъ разсудкомъ Отчаяніе мое казалось усугубляющимся по мѣрѣ утѣшеній, мнѣ преподаваемыхъ. Возврати мнѣ Аделаиду, говорилъ я ему: для чего ты меня разлучилъ съ нею? Нѣтъ не могу больше жить въ семъ мѣстѣ, въ которомъ я ее лишился, и гдѣ она столько злоключеній претерпѣла; сжалься, присовокупилъ я, бросясь къ нему въ ноги, позволь мнѣ изъ него вонъ вытьтить: къ чему тебѣ будетъ полезенъ несчастный, котораго отчаяніе покой твой возтревожитъ? Отпусти меня въ пещеры ожидать моей смерти; любезная моя Аделаида изходатайствуетъ у Бога отпущеніе грѣховъ моихъ; а ты мой отецъ, прошу отъ тебя послѣдняго милосердія: обѣщай мнѣ, чтобъ одинъ гробъ соединилъ прахъ нашъ; съ своей стороны клянусь тебѣ Всемогущимъ, ничего не здѣлать

спосп Ѣше-

споспѣшествующаго часу сему и могущаго несчастія мои окончать. Отецъ Игуменъ изъ сожалѣнія, а можетъ быть больше стараясь отнять изъ вида монаховъ предметъ, толь позорной и соблазнительной, склонился на мою прозьбу, и обѣщалъ во всемъ волю мою исполнить. Въ самой тотъ мигъ я отправился въ желаемое мной мѣсто. Въ немъ живу я уже нѣсколько лѣтъ, не имѣя другаго упражненія, кромѣ непрерывнаго пролитія слезъ о невозвратной моей потерѣ.

КОНЕЦЪ

